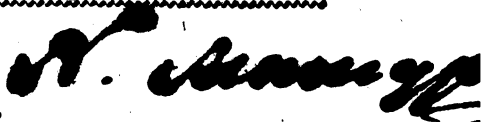

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

ЕГИПЕТСКІЕ ЗОДІАКИ (а).

Съ тѣхъ поръ какъ драгоцѣнные остатки древности обратили на себя любознательность новѣйшихъ временъ, ни одинъ памятникъ, не исключая са-

(а) Изъ опыта объ Иероглифической Системѣ Шампольона младшаго и объ услугахъ, приносимыхъ ею Священной Критикѣ (*Essai sur la Système Hiéroglyphique de M. Champollion le jeune, et sur les avantages qu'il offre à la critique sacrée*), Ж. Греппо, главнаго Викарія въ Бельгѣ. Сочиненіе сіе, изданное въ Парижѣ 1829, отличается свѣтлою ученостью, точнымъ соображеніемъ, здравою критикою и преимущественно благонамѣренною чистою направленною, которая одна только даетъ цѣну розыскамъ любопытства и составляетъ непреодолимое ручательство ихъ истины. Изд.

ТЕЛЕС. Ч. II.

10

ныхъ дивныхъ произведеній Греческаго искусства, не производилъ движенія и шума, подобнаго тому, который возбужденъ былъ въ наши дни славными зодіаками древняго Египта. Безъ сомнѣнія, они были не безъ занимательности съ хожественномъ отношеніи; ~~и нѣкоторыя~~ ~~памятники~~ астрономическіе, казались достойными и удивленія и изученія. Но, безъ опасенія заслужить укоризну въ несправедливомъ предубѣжденіи, можно и должно признасть, что важность, коей они были удостоены, имѣла основаніе свое не столько въ ихъ существенномъ достоинствѣ, сколько въ спранныхъ теоріяхъ, кои въ нихъ находили для себя подпору, и преимущественно въ той необыкновенной древности, которую нѣкоторые ученые заблужденіемъ приписали имъ. Древность сія, простираемая весьма далеко за всѣ дознанные предѣлы, наклонялась собственно къ тому, что бы ниспровергнуть совершенно лѣтосчисленіе, возмѣщаемое Священнымъ Писаніемъ. Но открытіе тайны чтенія іероглифовъ уничтожило сей святошашскій умыселъ, опредѣливъ достоверно ис-

шинный вѣкъ сихъ камней прешыканіи и указавъ имъ настоящее мѣсто, копорое они должны занимать въ ряду древнихъ памяшниковъ.

I. Кажется, что сіи зодіакальныя изображенія не извѣсны были до конца послѣдняго столѣтія : по крайней мѣрѣ путешественники, копорые, прежде сей эпохи, посѣщали *Дендеру* и храмъ ея, не упоминали ничего о ея зодіакахъ. Но во время знаменитой Французской экспедиціи, корпусъ Генерала Дезе, перешедши черезъ Нилъ для того, чтобы проникнуть въ верхнюю область Египта, достигъ до *Дендеры*, древняго *Тен-тириса*, называемаго въ писаніяхъ Коптскихъ *Нитенвоори*. Вскорѣ, посреди развалинъ, ошкрытъ былъ обширный храмъ, посвященный богинѣ *Авогъ* (Венерѣ), образцовое произведеніе Египетскаго зодчества, коего видъ поразилъ изумленіемъ даже самыхъ грубѣйшихъ солдашъ. Генераль первый примѣтилъ *планисферу*, или кружлый зодіакъ, составлявшій часть плафона въ залѣ, на террасѣ храма. Онъ посѣщилъ увѣдомить объ томъ комиссію ученыхъ и художниковъ, принадлежавшую къ экспедиціи.

Г. Денонъ снялъ съ сей находки копію, которую приложилъ къ своему путешествію: Гг. Жоллуа и Девилье срисовали ее послѣ; и ихъ рисунокъ, гораздо превосходитѣйшій, выгравированъ для великолѣпнаго атласа при знаменишомъ *Описаніи Египта (Description de l'Egypte)*. Въ томъ же самомъ Дендерскомъ храмѣ найденъ былъ другой зодиакъ, помѣщенный подъ портикомъ, гдѣ онъ также служилъ украшеніемъ плафону. Сей послѣдній не былъ круглый, какъ первый, а прямоугольный, вырѣзанный на двухъ параллельныхъ поляхъ. Наконецъ, храмы Эсне, Ноптскаго Синъ, вѣроятно древняго Латополя, доставили еще два другіе зодіака, кои оба равнымъ образомъ прямоугольны, но изъ которыхъ самый замѣчательнѣйшій, по несчастію потерпѣлъ весьма большія поврежденія. Сіи три памятника выгравированы также при огромномъ *Описаніи Египта*.

II. Вскорѣ зодіаки сіи были обнаружены и подвергнушы толкованіямъ съ большею или меньшею искренностію и разборчивостію. Мудрованіе, не полагая себя никакихъ предѣловъ, усреди-

лось въ самыя дерзскія системы; и духъ невѣрія, овладѣвъ сею находкою, надѣялся найти въ ней новую для себя пищу. Принято было уже доказаннымъ то, что надлежало еще пошановить и утвердить: и именно, что развалины древняго Египта обогатили астрономію памятниками, на коихъ заведенныя наблюденія о состояніи неба во времена самыя отдаленныя; и отсюда, посредствомъ вычисленій, кои представляемы были какъ непреложно достоверныя и коихъ въ самомъ дѣлѣ были совершенно предположительныя, выведено было, что положеніе неба, которое думали видѣть на сихъ памятникахъ, восходило за сорокъ пять или даже за шестьдесятъ лѣтъ споздній; въ слѣдствіе чего, зодіакальной системойъ, къ коей они должны были примыкаться, надлежало имѣть около пятнадцати тысячъ лѣтъ, и посему раздвигать существованіе міра слишкомъ далеко за предѣлы, назначаемые Моисеемъ. Между мудровашелями, которые, опираясь на сіи вычисленія, оказали себя болѣе или менѣе рѣшительными врагами Откровенія, особенно замѣчашеленъ слишкомъ

извѣстный сочинитель опыта о происхожденіи всѣхъ религій (*origine de tous les cultes*).

Но систематическое невѣріе вышло наконецъ изъ моды. Ниспроверженные алтари воздвиглись изъ своихъ развалинъ; и опытность, купленная слишкомъ дорого, цѣною кровавой революціи, начала мало по малу возвращать умы снова къ Божественной Религіи, единственной поруки мира и блаженства для родовъ и народовъ. Такимъ образомъ и движеніе, возбужденное въ свѣтѣ системами о зодіакахъ, естественно должно было заключиться въ шѣсномъ кругѣ людей, посвятившихъ себя преимущественно ученію: и ежели оставалось еще нѣсколько пишомцевъ пагубной школы, кои сопраздновали мнимому поржеству невѣрія; люди здравомыслящіе, точно также, какъ и люди благочестивые, воздыхали, видя продолженіе тщетныхъ нападеній на вѣрованіе, общее всѣмъ опраслямъ Христіанства.

Между шѣмъ Откровеніе, потрясемое такимъ образомъ въ своихъ первоначальныхъ основаніяхъ достоверности, не оставалось безъ защиты. Оно нашло

себѣ ревностныхъ поборниковъ, въ числѣ коихъ весьма утѣшительно видѣть мужа, носящаго имя, очень важное въ современныхъ лѣтописяхъ искусствъ, знаменитаго Аншикварія Висконти (а), и Аббата Тесту (б), Секретаря Римской Канцеляріи. Сіи поборники препирались съ своими противниками на помѣже самомъ поприщѣ, на которомъ они спроили новыя свои укрѣпленія, то есть, признавая зодіаки, по обще принятому мнѣнію, за астрономическіе памятники. Но ежели, по сей именно причинѣ, они становились не на истинной почкѣ зрѣнія на сіе дѣло, которая, при тогдашнемъ состояніи наукъ, не могла бытъ и достигнута съ непреложною вѣрностью: то по крайней мѣрѣ не лзя не опадать имъ чески за то, что они, посредствомъ вычисленій, не менѣе послѣ-

(а) Въ *Notice sur les zodiaques de Dendera*, помѣщенной при второмъ изданіи Геродоша Ларше-ромъ, t. II. с. 567.

(б) Не извѣстно точное время появленія въ Римѣ Записки (Mémoire) Аббата Тесты. Французскій переводъ ея изданъ 1807, подъ заглавіемъ: *Dissertation sur deux zodiaques nouvellement découverts en Egypte. Paris, Leclerc; br. in 8°.*

доказательныхъ и доказательныхъ, умѣли опровергнуть тѣ, кои имъ противоположали, и ограничили гораздо чрезмѣрную древность, приписываемую симъ памятникамъ (а). Вскорѣ всѣ соотязанія объ нихъ прекратились; и каждый остался при своемъ болѣе или менѣе основательномъ мнѣніи, какое могъ спасти изъ споровъ, столь долго превожившихъ и столь мало объяснившихъ изслѣдуемое дѣло.

III. Но когда (въ 1821) одному молодому и отважному путешественнику, не смотря на всякаго рода препятствія, удалось смѣлое покушеніе снять *Дендерскую* планисферу съ плафона, ею украшаемаго, и другое, можешь быть, не

(а) *Аббатъ Теста* уступаетъ *Дендерскому* зодіаку древность, не восходящую далѣе 300 лѣтъ до Христіанской эры: *Висконти* полагаетъ эпоху сію между 12 и 132 годами предъ Р. Х. Въ своемъ ярибавленіи къ упомянутой *Notice*, онъ склоняется болѣе къ періоду Римскаго владычества. — „Недавно, въ Лондонскомъ Азіатскомъ Обществѣ, *Маккензи Беверлей* читалъ новый описъ о *Дендерскомъ* зодіакѣ, въ коемъ, признавая сей памятникъ Египетскою планисферой, не считавъ его старше 150 г. до Р. Х.“ Изд.

менте трудное, перенести на себя до самого моря; когда сей славный памятникъ достигъ до Марсели и, въ началѣ слѣдующаго года, былъ ввезенъ въ Парижъ какъ будто въ триумфъ (а); онъ раздражилъ съ высочайшей степени любопытство вѣка, опличающагося ненасытною жадностію познаній во всѣхъ родахъ. Возбуждая искреннее участіе въ людяхъ просвѣщенныхъ и подстрекая суешность тѣхъ, кои почитали себя таковыми, онъ не остался чуждымъ для самой черни; такъ что тѣ сословія общества, кои дошолъ не слыхивали и имени зодіака, собирались толпами смотрѣть его (б). Въ журналахъ, въ гостининыхъ, только и толку было, что о зодіакѣ. „Видѣли ли вы зодіакъ? Что вы думаете о зодіакѣ?“ Это были вопросы, на которые медлишь отвѣтомъ

(а) Подробнѣйшія свѣдѣнія о перевозѣ Дендерскаго зодіака можно видѣть въ *Notice sur le voyage de M. Lelorrain en Egypte, par M. Saulnier fils. Paris, 1822, in 8°.*

(б) Зодіакъ, купленный Королемъ за 150,000 франковъ, былъ выставленъ въ Лувръ въ продолженіе цѣлаго года. Теперь онъ находится въ одной изъ залъ Библіотеки.

значило подвергнуть сомнѣнію свою репутацію хорошаго тона; ибо мода, сія прихотливая самодержица, столь могущественная особенно въ Франціи, удостоила эпоху знаменитый памятникъ древности принять на ту пору подъ свое непостоянное владычество. Однимъ словомъ — говоря опять языкомъ болѣе спешнымъ и болѣе разнообразнымъ настоящему изслѣдованію — глазамъ челоуѣка наблюдательнаго, любящаго изучать подвижныя сцены свѣта, сіе, подлинное или притворное, головокруженіе, помѣшанное на зодіакъ, предшавляло занимательное и вмѣстѣ поучительное зрѣлище.

IV. Движеніе, не менѣе живое, возбужденное зодіакомъ между учеными, имѣло совсѣмъ другій характеръ и произвело гораздо важнѣйшія слѣдствія. Онъ сдѣлался предметомъ глубокихъ изученій; и вскорѣ появились кучи записокъ и розысканій о семъ необыкновенномъ памятникѣ, его свойствахъ, назначеніи и древности.

Машематики и Астрономы исполнились въ выкладкахъ, сообразно различнымъ системамъ, ими исповѣдуемымъ,

для того чтобы опредѣлишь эпоху міра, когда небо могло имѣть пошъ астрономическій аспектъ, котораго *зодіакъ* считался представителемъ. Но сіе предпріятіе было очень трудно, если уже не совсѣмъ невозможно. Ибо для подобнаго опредѣленія, какъ справедливо замѣчалъ тогда *Шампольонъ Младшій*, „не достаточно владѣть совершенно теоріей новѣйшей Астрономіи, но необходимо точное и вѣрное знаніе сей науки въ томъ видѣ, въ какомъ представляли ее себѣ Египтяне, со всѣми ея заблужденіями и во всей простотѣ ея. Не будучи проникнутъ мыслию, что Астрономія Египетская существенно была смѣшана съ Религією, и еще съ тою лживою наукою, которая присвоила себѣ умѣніе читашъ въ настоящемъ состояніи неба будущую судьбу міра и людей, смѣлый изслѣдователь памятника *Дендерскаго* будетъ стоятъ на весьма ненадежномъ основаніи и подвергнется легко опасностямъ смѣшавъ религіозный образъ съ астрономическимъ знакомъ, и чисто символическое изображеніе принявъ за представленіе вещественнаго предме-

ша (а).“ Предубѣжденіе умовъ заставило пренебречь сими понятіями, весьма истинными и естественными: и никто не позаботился опредѣлить точнѣе надлежащую точку зрѣнія на сіе важное дѣло. Такимъ образомъ, всѣ работы людей, самыхъ искуснѣйшихъ, окончились теоріями, совершенно разногласными, хотя по видимому выходящими изъ однихъ началъ и клонящимися къ одной цѣли; теоріями, кои, по своей недостоверной шаткости, остались безъ всякихъ существенныхъ послѣдствій для науки, и коихъ прошиворѣчія только что оподозрили мнимую Астрономическую важность памятника *Дендерскаго*.

Археологія, въ свою очередь, обратила на него свое вниманіе съ другой точки зрѣнія. Люди, прилжно занимавшіеся сравнительнымъ изученіемъ древнихъ памятниковъ и пріучившіеся долговременною опытностію къ правильному размѣщенію ихъ по различнымъ эпохамъ Исторіи Искусствъ, покушались

(а) См. *Lettre au rédacteur de la Revue Encyclopédique*, Août 1822.

озаришь сіе новое явленіе свѣточема монументальной кришки. Хотя изученіе древностей Египетскихъ въ то время находилось еще далеко отъ той степени развитія, на которую оно возведено недавнимъ открытіемъ *Шамполыона*; тѣмъ не менѣе однако справедливо, что антикваріи на этошъ разъ сошлись въ своихъ заключеніяхъ скорѣе, чѣмъ астрономы: они опнесли единогласно зодіакъ оей къ эпохѣ Римскаго владычества надъ Египтомъ. Но приговоръ ихъ въ этомъ случаѣ былъ внушеніемъ чувства, или, лучше сказать, тонкаго эстетическаго чущья, зависящаго можетъ быть болѣе отъ духовной организаціи, чѣмъ отъ изученія; и побужденія, на коихъ оно могло быть основано, очевидно были слишкомъ внутренни и неосязаемы, такъ что дашь полнѣ ихъ почувствовать и выразумѣть, было совершенно не возможно. Посему скромный голосъ Археологій легко заглушенъ былъ громкимъ шумомъ ученыхъ фразъ, на которыя не скупилась Астрономія.

V. Посреди сихъ, частію снеленныхъ, частію легкомысленныхъ, судовъ и пересудовъ, духъ невѣрія всколыхался сно-

ва: безразсудство ополчилось новою дерзостію; нечестіе *Дюпюи*, изъ большаго формата in quarto, переработано было въ осьмнадцатую долю, сообразно прихотямъ господствующей моды вѣка; и зодіакъ становился опять камнемъ соблазна или даже, въ нѣкоторомъ смыслѣ, политическою ареною — какъ неожиданное открытіе ключа къ чтенію іероглифовъ, подобно Александру мечу, разсѣкло сей Гордіевъ узелъ, надъ копорымъ истощено было столько трудовъ и усилій. *Шампольонъ Младшій*, прикладывая составленный имъ фонетическій алфавитъ къ различнымъ именамъ, начертаннымъ на Египетскихъ памятникахъ въ такъ называемыхъ *царскихъ кольцахъ* (cartouches royaux) (а), на-

(а) Имя сіе введено для означенія особеннаго рода кружковъ или ободковъ эллиптической формы, въ коихъ, по примѣтамъ *Шампольона*, помѣщаются исключительно іероглифическія имена и прозванія Царей Египетскихъ. Ободки сіи обыкновенно бывають украшены различными фигурами и значками, въ коихъ *Шампольонъ* находилъ символическое значеніе царскихъ свойствъ и преимуществъ. Такъ группа значковъ, состоящая изъ пчелы, одного растѣнія и сегмента

шелъ на *Дендерской* планисферѣ — въ цѣльномъ ея видѣ, когда она не была еще снята *Лелорренемъ* — надпись, очевидно Римскую, а именно; *ΑΟΤΚΡΤΡ* — *Аυτοκράτωρ*, Императоръ (6) — которая весьма вѣроятно должна относиться къ *Нерону*, или *Клавдію*, коихъ имена, на медаляхъ выбитыхъ въ Египтѣ, весьма часто означаются однимъ симъ шипломъ. Продолжая далѣе свои розыски, онъ прочелъ на большемъ зданіи, вверху коего помѣщена была планисфера, шипла, имена и прозванія Императоровъ: *Тиберія*, *Клавдія*, *Нерона*, *Домиціана*; а на порпикѣ въ *Эсне*, коего зодіакъ признавался древнѣйшимъ *Дендерскаго* многими вѣками, начертанія именъ *Клавдія* и *Антонина Кроткаго*.

сферы, находящаяся обыкновенно при ободкахъ царскихъ прозваній, означаетъ, по его мнѣнію, шипуль *царя*, или *повелителя народа покорнаго*. Другая группа, которая встрѣчается при именахъ Царей и состоитъ изъ одной Египетской птицы (*chenalorex*) и солнца, значить сына *солнцева*, какъ обыкновенно назывались всѣ Фараоны. *Précis du syst. hierogl. p. 236-237. Изд.*

(6) См. *Lettre à M. Dacier, p. 25.*

И такъ памятники сіи, подавшіе поводъ къ толкимъ спорамъ и породившіе столько системъ, принадлежатъ къ эпохѣ владычества Римлянъ въ Египтѣ и слѣдовательно не восходящъ дальше перваго или втораго вѣка нашей эры. Это основывается не на выкладкахъ произвольныхъ выкладкахъ, коимъ при всей ихъ учености, не доставало надлежащей точки опроверженія. Памятники сами говорятъ, и говорятъ положительно; ихъ свидѣтельство непререкаемо. Ничего не отвѣчали на это; ибо въ самомъ дѣлѣ и отвѣчать было нечего. Счастливому приложенію остроумнаго открытія *Шампольонова* противопоставленъ былъ только глухій ропотъ: но задача, столь долго преслѣдуемая любопытствомъ, перешла въ вожжи умы; и вѣкъ *зодіаковъ* получилъ рѣшительную и непреложную определенность.

Такимъ образомъ Провидѣнію было угодно, что первое важное слѣдствіе одного изъ превосходнѣйшихъ открытій, какимъ только можешь хвалиться умъ человѣческій, обратилось на служеніе истинной Религіи, и что одно простое

имя, будучи прочшено ксшапи, положило мгновенно конецъ и пагубнымъ заблужденіямъ знанія и виновнымъ надеждамъ враговъ Христіанства.

VI. Одинъ изъ самымъ свѣдущихъ современныхъ Эллинистовъ, *Аетронъ*, съ давнихъ лѣтъ уже разработывавшій Греческія и Римскія древности Египта, съ рѣдкою проникающею и совершеннымъ успѣхомъ, достигъ почти до тѣхъ же слѣдствій другимъ путемъ. Въ тожь самое время, въ надписяхъ храмовъ *Дендеры* и *Эске*, онъ открылъ имена тѣхъ самыхъ Императоровъ, на кошорыхъ указываютъ іероглифическія легенды сихъ зданій (а); и сіе спеченіе слѣдствій подтверждаетъ еще болѣе рѣшительный приговоръ *Шампольона*, или лучше, памяшниковъ, коихъ онъ былъ исполкователемъ, въ отношеніи къ древности *зодіаковъ*. Ученый Академикъ не ограничилъ симъ трудовъ своихъ по сему предмету. Въ особенномъ сочиненіи, исполненномъ учености и заниматель-

(а) См. *Recherches pour servir a l'histoire de l'Egypte pendant la domination des Grecs et des Romains. Paris, 1823, in 8°.*

ности (а), сей знаменитый Эллинистъ, по поводу зодіака, нарисованнаго на гробъ муміи временъ Траяновыхъ, спарается доказать рѣшишельно, что все подобныя изображенія, начертанныя на памятникахъ Египетскихъ, принадлежатъ къ эпохѣ владычества Римскаго, и именно къ періоду Императоровъ; что онѣ совсѣмъ не принадлежатъ къ Астрономіи, а относяся къ суешнымъ вѣрованіямъ судебной Аспрологіи и составляющъ именно то, что адепты сей мнимой науки называли *темами* рожденія; что покушашься подчинить ихъ систематическимъ выкладкамъ, коимъ никогда онѣ покориться не могутъ, значитъ терять время и труды напрасно; и что наконецъ, во всякомъ случаѣ, онѣ не могутъ довести ни къ какому хронологическому заключенію.

Въ слѣдствіе сей системы, весьма удовлетворительной, зодіаки, находимые въ храмахъ Египетскихъ, должны имѣть

(6) *Observations critiques et archéologiques sur l'objet des représentations zodiacales qui nous restent de l'antiquité. Paris, 1824, in 8*

отношеніе къ судьбамъ Императоровъ , при которыхъ они воздвигнуты или совершены. Но ихъ произвольные знаки и смыслъ , который могъ бытъ съ ними сопрягаемъ , остаются для насъ совершенно невразумительными ; и вѣроятно останутся такими навсегда , не возбуждая тѣмъ излишняго сожалѣнія.

„Такимъ образомъ“ — говоря собственными словами *Летрона* — „зодіаки *Египетскіе* , лишенные той глубокой древности , которою ихъ такъ щедро надѣлили , и того астрономическаго достоинства , которое имъ было присвоено , теряютъ почти всю свою важность. Они низводятся теперь на степень простыхъ предметовъ любопытства , кои могутъ служить для нѣкоторыхъ сближеній художнику и антикварію , но не заслуживаютъ никакихъ истинно философическихъ розысканій. Ибо , вмѣсто того чтобы открывать тайны просвѣщенія , процвѣтавшаго будущею до потопа , какъ отъ нихъ ожидали , они представляютъ только плоды нелѣпыхъ мечтаній и остаются

живыми памятниками заблуждений, кои наиболее осрамляли умъ человеческій.“

Но между тѣмъ сіе печальное разочарованіе, произведенное предложенными розысканіями, вознаграждается, съ другой стороны, высокою, утѣшительною для Христіанина, мыслию.

Провидѣніе, коего мудрость столь ощутительно проявляется во всемъ устроеніи міра физическаго, не оставляетъ и нашего человеческого, умственнаго и нравственнаго, міра, произволу случая. Посредствомъ таинственныхъ пружинъ, кои рѣдко бывають доступны самой прозорливѣйшей наблюдательности, оно направляетъ подчиненныя причины, весьма часто безъ ихъ вѣдома, а иногда даже противъ ихъ намѣренія, къ совершенію своихъ непреложныхъ судебъ, для распространенія и утвержденія спасительной вѣры, которую само благоволило открытъ намъ. Такимъ образомъ, оно замедляетъ или ускоряетъ ходъ человеческого разумѣнія, по мудрымъ своимъ совѣтамъ; сообщаетъ ему направленіе, подобное съ своими намѣреніями; заставляетъ возникать новыя открытія въ свое время, точно

шакъ, какъ заставляешъ плоды созрѣвать въ свою пору; и перевороты, возобновляющіе міръ наукъ, шакже-точно какъ перевороты, измѣняющіе лицо царствъ, подчиняешъ плану, который начерцало само себѣ опъ вѣчности.

Сія великая истина, представляющая неисощимый источникъ размышленій для мудраго и просвѣщеннаго человека, но для развитія своего еще нуждающаяся въ новомъ Боссюэпъ, не находилъли себѣ новаго подтвержденія въ началахъ и слѣдствіяхъ предложенныхъ розысканій? . .

Тогда какъ умственная дѣятельность нашего вѣка успремляется преимущественно къ Естественнымъ Знаніямъ, кои нечестливое легкомысліе прошедшаго столѣтія, по странному злоупотребленію, осмѣлилось обратить въ орудіе виновнаго нападенія на Религію: послѣднія ихъ открытія, возбуждающія наибольшее удивленіе, подтверждають только физическую исторію первобытнаго міра, повѣствуемую Богодохновеннымъ Моисеемъ: въ подтвержденіе довольно упомянушь о геологическихъ трудахъ знаменитаго Кювье. Теперь, когда испо-

рическія розысканія принимають силу и дѣйствительность, какой доселѣ никогда еще не имѣли, и когда изученіе памятниковъ древности озаряется свѣточемъ мудрой кришки, которая общаетъ наукѣ самыя роскошныя слѣдствія; Провидѣніе восхотѣло также, чѣобы важное открытіе тайны іероглифовъ древняго Египта послужило, въ свою очередь, къ подтвержденію событій историческихъ, кои переданы намъ въ Священныхъ книгахъ и противъ которыхъ недозрѣлая ученость доставляла по нынѣ невѣрію однѣ только возраженія, кои были повторяемы тысячу разъ, несмотря на то, что тысячу разъ были опровергнуты. Нѣтъ сомнѣнія, что постепенное усовершенствованіе человѣческихъ знаній, освобождаясь болѣе и болѣе изъ-подъ ига ложныхъ системъ и направляясь единственно къ достиженію истины, разрѣшивъ еще множеству другихъ подобныхъ слѣдствій.

И такъ Ошкровенная Религія не имѣетъ другаго большаго врага, какъ невѣжество! Слѣдовательно, вмѣсто того чѣобы входить въ союзъ съ нимъ — какъ не спыдились упрекать ее нѣкоторыя

ажемудрецы — обличая поржеспвенно сію клевету свидѣтельствомъ всѣхъ вѣковъ, она можешъ только радовашся успѣху наукъ, коихъ всегда была покровительницею и копорыя всѣ почти сохранены были для насъ ею, посреди варварства, изъ котораго она же насъ исжила! Следовашельно, истинные успѣхи наукъ, истинные *успѣхи просвѣщенія* — (употребляя сіе освященное обычаемъ выраженіе, не смотря на искаженія, коимъ оно подвергается въ устахъ шарлатанства) — вмѣсто того чѣобы противорѣчитьъ Ошкровенной Религіи, какъ усиливаюшся разглашашъ враги ея, вмѣсто того чѣобы бытъ для ней опасными, какъ бояшся иногда слишкомъ робкіе изъ ея учениковъ — сообщающъ ей, напрошивъ, ежедневно новыя права надъ просвѣщенными умами, и доказывающъ, вопреки киченію ложнаго мудрованія, что сія Божеспвенная Религія, подтверждаемая всѣми истинами разума челоѣческаго, есть *истина Господня*, кошорая *пребываетъ во вѣкъ* (Цс. CXVI, с. 2.)! —

II.

П О Р Ы В Ъ

ОТСТАВНАГО ГУСАРА.

О сжальтесь надо мной! о дайте волю мнѣ!
 Изъ края дальняго волшебный зовъ несетъся:
 И кровь моя кипитъ и сердце бурно рвется
 Въ шотъ дальный край, къ войнѣ, къ войнѣ!
 Вы видите, стремятся ополченья,
 И взоры ихъ блестящъ надеждою побѣды,
 Туда, туда, въ кровавыя сраженья
 Я полечу за ними въ слѣдъ.
 Противна мнѣ дремота нѣги праздной
 И мирныхъ дней безжизненный покой,
 Какъ пущь въ степяхъ однообразной,
 Какъ гробъ холодный и нѣмой!
 Противны мнѣ безумное веселье,
 Неупоенныхъ душъ притворное похмѣлье,
 И скука вѣчная, и вѣчный переходъ
 Младенческихъ забавъ и нищенскихъ заботъ!
 О сжальтесь надо мной! отдайте мечъ блестящій,
 Отдайте бодрого и легкаго коня!
 Въ шотъ край, куда лепитъ мечшы порывъ горящій,
 Какъ вихрь, какъ мысль, онъ унесетъ меня!..
 На мигъ одинъ судьбины злой оковы
 Рукой я смѣлою расшорю —
 И сердцу памятни сраженій блескъ суровый
 И торжества воинственныя восторги...
 Въ часъ утренней зари румяной и росистой
 Услышатъ пушки гласъ, зовущій насъ къ бою —
 Глядѣть какъ солнца лучъ зашипитъ
 Играетъ по стальнымъ штыкамъ,

Какъ вождь стдой, отваги юной полный,
На встрѣщенье врагамъ ведешь покорный строй,
И движутся полки, какъ бурь осеннихъ волны —
И чувствовать тогда, что вѣренъ мечъ спальной,
Что длань сильна, что вихремъ конь несется
Подъ свистомъ пульъ средь дыма и огня,
Что сердце гордое въ груди спокойно бьется,
Что эшотъ дольний міръ не дорогъ для меня,
Что я могу съ улыбкою презрѣнья
На жизнь, на смерть, и на судьбу взирать!..

О эти сладкія мгновенья

Отдайте мнѣ, отдайте ихъ опять!

Я не хочу въ степи земной скитаться
Безъ воли и надеждъ, безвременный шарикъ;
Какъ робкая жена, предъ рокомъ не привыкъ

Главой послушной преклоняться,
Внимашъ, какъ каждый день и скучень и смѣшонъ,
Все тѣ же сказки напѣваетъ
И тихо душу погружаетъ
Въ какой-то слабоумный сонъ.

Я не рожденъ бышь ушлою ладьею,
Забытой въ пристани, не знающей морей,
И праздною исплѣвать кормою
Добычей гнили и червей.

Но я хочу лешать надъ бурными волнами
Могущимъ кораблемъ съ дружиной боевой,
Подъ солнцемъ тропика, межъ сѣверными льдами
Бороться съ бездною и дикою грозой,
Челомъ возвышеннымъ встрѣчать ударъ судьбины,
Бродить по области и смерти и чудесъ
И жадно пить восторгъ, и изъ стдой пучины
Крыломъ поэзіи вноситься до небесъ!

О воть онъ, воть удѣлъ давно желанный мною!
Ошдайте жъ мнѣ коня, булашъ ошдайте мой!

Въ шоть дальній край я полечу стрѣлою
И ринуся въ кровавый бой.

А. Хомяковъ.

III.

МЩЕНІЕ.

Эпизодъ изъ лѣтописей

современной жизни.

(продолженіе.)

МАСТЕРСКАЯ.

Г. Сервень, одинъ изъ опличнѣйшихъ Парижскихъ художниковъ, первый вздумалъ открыть учебную мастерскую для молодыхъ дѣвушекъ, желающихъ брать уроки живописи. Это былъ человекъ сорока лѣтъ, испытанной нравственности, совершенно преданный своему искусству. Онъ женился по склонности на дочери одного бѣднаго Генерала.

Сначала мапери приводили сами дочери своихъ къ учителю; но наконецъ, узнавъ хорошо его правила и увѣ-

рившись въ попеченіяхъ , прилагаемыхъ имъ для оправданія сдѣланной ему довѣренности , онѣ начали ихъ однихъ посылать къ нему.

По плану художника , предположено было приниматьъ въ число ученицъ только двѣушекъ , принадлежащихъ богатымъ или важнымъ фамиліямъ , для избѣжанія упрековъ на счетъ состава мастерской его. Онѣ отказывался даже приниматьъ такихъ двѣушекъ , кои хотѣли сдѣлаться художницами и копорымъ надлежало давать особенныя наставленія , необходимыя для полнаго совершенства въ живописи.

Мало по малу , благоразуміе и талантъ , съ коими посвящалъ онѣ своихъ воспитанницъ въ тайнства изучаемаго искусства , увѣренность матерей , что ихъ дочери находясь въ обществѣ благовоспитанныхъ подругъ , и безопасностъ , внушаемая характеромъ , нравами и почетною женидьбою художника , приобрѣли ему леспную благосклонностъ и громкую славу въ гостиныхъ. Когда дѣвочка обнаруживала охоту къ живописи или къ рисованью и мать ея требовала совѣтовъ : — „пошлите ее къ

Сервеню“ — отвѣчали обыкновенно даже сами живописцы.

И такъ Сервень сдѣлался необходимою; драгоценностью, дивомъ, прорицалицемъ, въ отношеніи къ дамской живописи, точно такъ какъ Гербо въ отношеніи къ шляпкамъ, Леруа въ отношеніи къ модамъ, Шеве въ отношеніи къ приспѣшничеству. Было признано, что молодая женщина, бравшая уроки у Сервеня, можешь судить, какъ нельзя лучше, о картинахъ Музея, написать отлично портретъ, снять мастерски копію и сдѣлать даже цѣлую картину. Такимъ образомъ, его становилось на удовлетвореніе всѣхъ потребностей аристократіи. Не смотря на связи свои съ другими домами въ Парижѣ, онъ любилъ независимость въ мысляхъ и чувствованіяхъ, былъ ревностнымъ патриотомъ и сохранялъ со всѣми одинъ и тотъ же легкій, остроумный, иногда ироническій тонъ и ту смѣлую свободу въ сужденіяхъ, кои обыкновенно составляютъ отличительный характеръ живописцевъ.

Строгость его относительно мѣръ осторожности простиралась даже на

выборъ и устройство мѣста для мастерской его. Выходъ чердака, находящагося вверху его покоевъ, былъ наглухо заколоченъ; и, дабы достигнуть до сего убѣжища, столь же священнаго, какъ гаремъ, надлежало проходить чрезъ лѣстницу, проведенную внутри его комнатъ. Мастерская, занимающая весь верхъ дома, имѣла огромную величину, изумляющую невольно всякаго любопытнаго, который, прошедши шестьдесятъ ступеней низу, естественно ожидаетъ найши художниковъ, забившихся въ пещеру. Она представляла родъ галереи, освѣщенной роскошно огромными окнами, кои были убраны большими зелеными спорами, посредствомъ которыхъ живописцы располагають свѣтомъ. Множество каррикатуръ, головъ, очерковъ, наръзанныхъ ножичкомъ на спѣнахъ, выкрашенныхъ темно-сѣрою краскою, показывали, кромѣ различія въ выраженіи, и то, что самыя достойнѣйшія дѣвушки имѣють въ умѣ своемъ столько же склонности дурачиться, какъ и мужчины. Маленькая печка и огромныя трубы, извивавшіяся отъ ней ужасными змѣями, прежде

нежели достигали до горнихъ спранъ кровли, составляли неоспоримое украшеніе эшой обширной галлерей. Полка, опоясывающая стѣны, завалена была прекраснѣйшими моделями изъ гипса, которыхъ лежали безъ всякаго порядка, однѣ бѣлыя еще, другія полуисшершныя, но всѣ почти болѣе или менѣе осыпанныя желтою пылью. Выше эшой полки, и тамъ и здѣсь — по Нюба, повѣшенная на гвоздѣ, показывала свою неутолимую скорбь; по улыбалась Венера; по высовывалась прямо предъ глаза рука, какъ будто требуя милостыни; и пошомъ нѣсколько фигуръ безъ кожи, закопченныхъ дымомъ, кои имѣли весь видъ безжизненныхъ членовъ, выкопанныхъ наканунѣ изъ могилы. Наконецъ, каршины, рисунки, чучелы, рамы безъ полошенъ и полотно безъ рамъ, довершали неизъяснимую фizioномію, коей собственно опличается масперская художника: чудное смѣшеніе убранства и наготы, бѣдности и богатства, рачительности и безпечности — безпредѣльный корабль, гдѣ все представляется малымъ, даже челоуѣкъ самъ. Въ масперской живописца

есть нѣчто, отзывающееся кулисами оперы: старое пряпье, позолоченные доски, лохмотье пышныхъ нарядовъ, машины; и потомъ что-то великое, что-то безконечное, какъ мысль. Жизнь и смерть вмѣстѣ; Діана и Аполлонъ возлѣ черепа или скелета; красота и безпорядокъ; вещественность и поэзія; богатые цвѣты въ тѣни; и часто живая драма, которая кажется вопіющею въ безмолвіи. Все тамъ — есть символъ головы художника.

Въ ту минушу, когда начинается наше повѣствованіе, яркое Іюльское солнце освѣщало мастерскую; и два своевольные луча проникали ее во всю длину, распилаясь широкими золотыми ленщами, усыянными яркою бисью блестящей пыли.

Около дюжины станковъ возвышали свои острые шпили, подобно мачтамъ корабельнымъ въ пристани.

Десять молоденькихъ дѣвочекъ оживляли сію сцену разнообразіемъ своихъ физіомій, своихъ положеній и своего туалета. Тѣни, бросаемыя зелеными занавѣсками, распущенными по мѣрѣ потребности каждаго станка, произво-

дили множество контрастовъ , представлявшихъ собою прелестную игру свѣтлошнни. Это была одна изъ прекраснѣйшихъ картинъ , какія только можешь представлять мастерская.

Одна блондинка дѣвочка , на лицѣ которой сіяла печать непорочнаго простодушія , работала весьма прилжно ; она , казалась , предчувствовала несчастье. Одежда ея была очень проста. Она сидѣла поодаль отъ подругъ своихъ. Никто на нее не смотрѣлъ , никто не обращалъ къ ней ни слова. Она была всѣхъ милѣе , всѣхъ скромнѣе и — всѣхъ бѣднѣе.

Двѣ главныя группы , отдѣленные другъ отъ друга небольшимъ разстояніемъ , показывали два общества , два духа , проникшіе даже въ это уединенное убѣжище , гдѣ различіе чиновъ и состояній должно было совершенно забываться.

Иныя сидя , другія стоя , эти юныя созданія , обложившись своими ящичками и коробочками , играя киспами или приготавливая ихъ , повертывая блестящими палибрами , рисуя , болтая , смѣясь , напѣвая пѣсенки , предаваясь

свободно изліліямъ своего сердца, обнаруживая въполнѣ свой характеръ, представляли зрѣлище, о кошоромъ мушны не могушь имѣшь поняшія.

Эша — гордая, высокомерная, своенравная, съ черными волосами и прекрасными руками, бросала; безъ всякаго намѣренія, шуда и сюда пламя своихъ взоровъ. Та — безпечная и рѣзвая, съ вѣчною улыбкою на губахъ, съ каштановыми волосами и бѣленькими нѣжненькими ручками; чистая Французская кровь; вътреница, безъ всякой запасной мысли, живущая одною настоящимъ минушою. Другая — мечшашельница, задумчивая, блѣдная, съ поникшею головою, подобно упадающему цвѣтку. Ея сосѣдка, напрошивъ, высокая, лѣнивая, неповоротливая; глазъ черный, длинный, облишый влагою; говорящая мало, но подумывающая и заглядывающая украдкою на голову Аншиной. Еще другая, среди ихъ, подобная *jocoso* въ Испанской комедіи, исполненная остроумія, выходокъ, разсыпаясь эпиграммами, подшерегающая всѣхъ однимъ взглядомъ, заспавляющая смѣяшсь отъ всей души и выспав-

Телес. Ч. II.

12

ляющая безпрестанно свое личико, кошопрому одной живости доспапочно было для того, чтобъ быть милымъ. Сія послѣдняя командовала первою группою ученицъ, состоявшею изъ дочерей банкировъ, ношариусовъ и негоціаншовъ. Всѣ онѣ были богаты; но между тѣмъ должны были испытывать, хотя и мало примѣшное, но тѣмъ не менѣе колокое пренебреженіе, на которое не скупились для нихъ другія дѣвушки, принадлежащія къ аристокраціи.

Сія послѣднія были управляемы дочерью одной Маркизы, маленькимъ швореньицемъ, не знавшимъ себѣ цѣны потому, что отецъ ея былъ придворный и занималъ одно видное мѣсто. Это была блочуренькая дѣвочка, слабенькая, хворенькая, и сполько же глупая, сколько спѣсивая. Она всегда старалась показывать, что понимаетъ съ перваго раза всѣ замѣчанія учителя, и работала какъ будто изъ снисхожденія: безпрестанно ушребляла лорнетку, приходила разубранная, поздно, и просила своихъ подругъ говорить пошше. Эта вторая группа была богата прелестными шаліями и превосходными лицами; но взоры сихъ

дѣвушекъ не выражали простосердечія, сославляющаго прелестъ непорочной юности. Если ихъ станъ былъ красивъ и движенія граціозны, то за то лицамъ не доспадало открытосши; и весьма не трудно было угадать, что онѣ принадлежали къ свѣшу, гдѣ изученная въжливоссть рано сминаетъ характеры, гдѣ злоупотребленіе наслажденіями жизни общественной убиваетъ опраспи и гдѣ установленныя формулы развивающъ эгоизмъ во всей силѣ.

Когда мастерская была полна, и всѣ ученицы находились въ собраніи, тогда между ними мелькали головки совершенно дѣтскія, личики съ выраженіемъ восхищительной непорочности, испинно дѣвственныя созданія, коихъ лилейныя уста, едва распукунувшіяся, обнажали жемчужный кораллъ зубовъ, сіяющихъ дѣвственною близною, играли дѣвственною улыбкою. Тогда мастерская походила, на группу Ангеловъ, покоющихся въ небесномъ облакѣ.

Было уже около полудня, а Г. Сервень еще не являлся. Ученицы знали, что онѣ оканчивающъ картину для выставки; и, что нѣсколько уже дней, проводишь

большую часть времени за ней въ другой мастерской, которая у него была въ городѣ. Вдругъ, дѣвица де Монсорень, начальница аристократической партіи въ этомъ маленькомъ собраніи, заговорила съ своею сосѣдкою очень продолжительно: и въ группѣ патриціанокъ настало глубокое молчаніе. Спорона плебеянокъ, удивленная, замолчала въ свою очередь и старалась угадать предметъ этой важной конференціи; но лайна маленькихъ аристокрашекъ обнаружилась немедленно.

Дѣвица де Монсорень вспала. Она взяла шанокъ, который былъ у ней справа, и поставила его на довольно большее разстояніе отъ аристократической группы, подлѣ грубой перегородки, отдѣлявшей мастерскую отъ какого-то рода чулана. Этошъ черный чуланъ былъ отчасти слѣдствіемъ неправильности средней стѣны, которая выдавалась здѣсь довольно глубокимъ угломъ. Онъ составлялъ родъ ссылочнаго мѣста при мастерской: туда бросали изломавшіяся модели, и провинившіяся полошна, осужденныя училелемъ. Тамъ

справили также печку, когда она была не нужна, и складывали дрова на зиму.

Поступокъ дѣвицы де Монсорень былъ конечно очень дерзокъ; ибо возбуждалъ всеобщій ронотъ удивленія. Молодая выскочка не-обращала на шо вниманія и докончила переселеніе своей ошсуществующей подруги, перекашивъ проворно къ станку ящикъ съ красками и перенесши шудаже шабурешъ, на кошоромъ она сидѣла, и каршину Рубенса, съ кошорой она снимала копію. Эшо рѣшишельное дѣйствіе, кошорое должно было имѣть гибельныя слѣдствія, возбуждало всеобщее изумленіе; и ежели правая сторона принялась работашъ въ молчаніи, шо лѣвая зашолковала не на шушку о шакомъ дерзкомъ поступкѣ.

— „Чшо скажешъ дѣвица Піомбо?“ спросила одна изъ сей послѣдней группы, обращаясь къ дѣвицѣ Планшъ, шой въшреницѣ, кошорая своею живостію присвоила себѣ важносшъ прорицалища для всей лѣвой стороны.

— „Эшо не очень говорливая дѣвушка,“ ошвѣчала сія послѣдняя. „Но въ пашдешъ лѣшъ она вѣрно вспомнишъ объ эшой обидѣ, какъ будшобы получила ее вчера, и

будетъ умѣть жестоко отмстить за нее. О! я бы не за что не захотѣла быть съ нею въ ссорѣ!“

— „Оскорбленіе, которое ей теперь сдѣлали, тѣмъ болѣе несправедливо“ — перервала другая дѣвушка той же стороны — „что, претяго дня, Джиневра была очень печальна; отецъ ея, какъ говоряшь, подалъ въ отставку. Это значить расправляешь ея горе, между тѣмъ какъ она во все это время была такъ добра къ ашимъ барышнямъ. Сказалали она имъ хоть одно слово, которое могло бы ихъ уколотъ! Напротивъ, она избѣгала всячески случая говоришь о полишкѣ... и то правда, что ещежь поскупокъ внушенъ имъ больше завистью, чѣмъ духомъ паршіи.“

— „Я хочу взять сщанокъ дѣвицы Піомбо и поставишь возлѣ своего.“ . . сказала Фанни Планша.

Она вспала, но размышленіе заспавило ее опять съснь.

— „Съ такимъ характеромъ, каковъ Джиневринъ“ — примолвила она — „мудрено узнашь, какъ будетъ принята наша вѣжливостъ; лучше подождать, какъ пойдеть дѣло.“

— „Да вошь и она сама!“ сказала шомно дѣвушка съ черными глазами.

Въ самомъ дѣлѣ шумъ походки, приближающейся по лѣсницѣ, раздался въ залѣ; и слова: „она сама! она сама!“ переходя изъ устъ въ уста, поглощались глубокимъ молчаніемъ, царствовавшимъ въ мастерской.

Чтобы понять всю важность осщрацизма, совершеннаго дѣвицею де Монсореень, необходимо прибавишь, что эта сцена случилась въ концѣ Іюля, 1815 года. Вшоричное возвращеніе Бурбоновъ разстроило множество дружескихъ связей, устоявшихъ при первомъ возстановленіи. Въ это время, самыя семейства были не рѣдко раздѣлены во мнѣніяхъ; и политическій фанатизмъ возобновлялъ ежедневно плачевныя сцены, коими лѣтописи человѣческія осквернялись во всѣ эпохи религіозныхъ и гражданскихъ междоусобій. Раздоръ вкрадывался подѣ всѣ кровы; и недоувѣрчивость бросала свою мрачную тѣнь на самыя сокровеннѣйшія дѣйствія и искреннѣйшіе разговоры.

Джиневра Піомбо обожала Наполеона до идолопоклонства. И какъ она

могла его ненавидѣть? Императоръ былъ ея соотечественникъ и благодѣтель ея отца. Баронъ де Піомбо былъ одинъ изъ нѣхъ приверженцевъ Наполеона, кои наиболѣе содѣйствовали возвращенію его съ острова Эльбы. Неспособный къ отступничеству отъ своей политической вѣры и даже гордящійся ея исповѣданіемъ, старый Баронъ де Піомбо остался въ Парижѣ, посреди враговъ своихъ. Съ своей стороны Джиневра Піомбо шѣмъ болѣе могла возбуждать на себя подозрѣніе, что она не скрывала ни мало нечести, кошую сіе второе возстановленіе причиняло ея семейству. Слезы, кошорыя она можетъ быть въ первый разъ пролила въ своей жизни, были исторгнушы у ней двойнымъ извѣстіемъ о плѣнѣ Бонапарта на Беллерозонѣ и о задержаніи Лабедуайера.

Всѣ дѣвушки, составлявшія аристократическую паршію въ масперской, принадлежали къ самымъ ревностнѣйшимъ роялистскимъ семействамъ въ Парижѣ. Трудно дать понятіе объ ужасѣ, кошорый въ это время навели Бонапартисты. Посему поступокъ дѣвицы де Монсоренъ, сколь

ни мало важнымъ и незначительнымъ показался бы онъ нынѣ, тогда былъ выраженіемъ весьма естественной ненависти.

Съ самаго перваго дня, когда Джиневра Піомбо, одна изъ первыхъ ученицъ Г. Сервеня, пришла въ мастерскую, она заняла то мѣсто, котораго теперь хотѣли лишить ее. Спорона аристократическая нечувствительно сползлась вокругъ ней. Мѣсто это составляло нѣкоторымъ образомъ ея собственность. Согнать ее съ него значило не только сдѣлать ей обиду, но и причинить чувствительное огорченіе; ибо всѣ художники имѣютъ свои любимыя мѣста для работы. Но политическія отношенія можетъ быть мало имѣли вліянія на этотъ заговоръ, усмремленный противъ ней правою стороною собранія.

Джиневра Піомбо была предметомъ глубокой зависти. Она была даровитѣйшая и образованнѣйшая изъ всѣхъ ученицъ Г. Сервеня. Учитель обнаруживалъ шоржественно высокое удивленіе къ ея талантамъ и, можетъ быть, къ ея характеру, красотѣ, поступкамъ и мнѣ-

ніямъ. Она служила для него образцемъ при всѣхъ сравненіяхъ. Наконецъ она была его любимую ученицею. По какому-то неизъяснимому превосходству, которое она имѣла надъ всѣмъ ее окружающимъ, Джиневра умѣла пріобрѣсть безпредѣльную власть надъ эшимъ маленькимъ міромъ, который не могъ ей опазывашь въ удивленіи. Въ самомъ дѣлѣ, ея голосъ былъ обольщителенъ, ея пошупки имѣли въ себѣ что-то увлекающее, и ея взоръ производилъ надъ ея подругами почти такое же очарованіе, какъ взоръ Бонапарта надъ его солдатами.

Пользуясь переменною обстановкельствъ, сторона аристократическая за нѣсколько уже дней опредѣлила сверженіе этой царицы; но ни одна изъ заговорщицъ не смѣла начать; и дѣвица де Монсоренъ опважилась сдѣлать вдругъ рѣшительный ударъ, дабы сдѣлать своихъ подругъ участницами своей ненависти. Что касается до прочихъ дѣвушекъ, то Джиневра была искренно любима двумя или тремя изъ нихъ; но тогда, почти всѣ, получивъ въ родительскихъ домахъ строгіе наказы опносительно полишки, разсудили, съ свойственной

женщинамъ догадливою, что имъ не слѣдовало ввязываться въ эту ссору.

При своемъ прибытіи, Джиневра Пюмбо была встрѣчена глубокимъ молчаніемъ. Она была высока, стройна и ослѣпительной бѣлизны. Ея походка ознаменована была печатію благородства и прелести, внушавшей почтеніе. Изъ всѣхъ дѣвушекъ, которыя являлись дополнѣ въ мастерской Г. Сервентя, она была самая прекраснѣйшая. Ея лице блистало жизнію и умомъ. Длинные черные волосы, черные глаза съ черными бровями, были примѣтами души, не чуждой спрасей. Ротъ ея обрисовывался роскошно; и ея губы, можешь быть, выкрѣпленные съ небольшимъ излишествомъ, были исполнены прелести и доброты. Но, по странной прихотливости природы, кротость и очаровательность лица ея опровергалась нѣкоторымъ образомъ верхнею его частию. Сія послѣдняя была вѣрнымъ изображеніемъ ея характера. Ея мраморное чело запечатлѣно было выраженіемъ гордости почти дикой. Нравы Корсиканскіе выпечатаны были на немъ всѣ — крупными буквами. Но это только и составляло единственные узы,

существовавшие между ею и родиною; ибо во всей осязальной ея наружности, Испаніанская грація, простота и роскошная небрежность Ломбардская — очаровывали вмѣстѣ. Видѣть ее было очень опасно. Эта необыкновенная дѣвушка была такъ ослѣпительна, что старый отецъ ея, по благоразумной предосторожности, не позволялъ ей иначе ходить въ мастерскую, какъ въ самомъ простомъ нарядѣ. Единственный недостатокъ этого истинно поэтическаго созданія происходилъ отъ самаго могущества красоты, столь роскошно въ немъ развитой. Ее можно было считать — женщиной. Она отказалась отъ брачнаго ига, изъ любви къ своимъ родителямъ, обрекая себя на украшеніе ихъ старости; и тогда страсть ея къ живописи замѣнила всѣ прочія. Успѣхи ея въ этомъ искусствѣ начинали подавать несомнѣнную надежду, что она сдѣлается со временемъ знаменишою художницею.

— „Вы что-то очень молчаливы нынѣ“ — сказала она своимъ подругамъ, сдѣлавъ два или три шага въ средину ихъ.

— „Здравствуй, моя милая Лорочка!“ ... прибавила она тихимъ и ласковымъ голосомъ, подходя къ дѣвушкамъ, которая рисовала поодаль отъ другихъ. „Эта голова прекрасно сдѣлана; телесный цвѣтъ немножко розоватъ; но рисунокъ, право, чудесный!“

Лора подняла голову, взглянула нѣжно на Джиневру; и лица обѣихъ просіяли на минушу живымъ чувствомъ. Слабая улыбка заиграла на губахъ Испаніанки, которая казалось унылою; она пошла потомъ медленно къ своему мѣсту, помахивая небрежно на рисунки и каршины, и привѣтствуя каждую изъ дѣвшекъ, составлявшихъ первую группу. Особенное и совершенно новое любопытство, возбужденное ея присуществіемъ, оставалось ею незамѣченнымъ. Можно было счесть ее за царицу, посреди своего двора.

Глубокое молчаніе, царствовавшее между панприціанками, также не обращало ея вниманія. Она прошла мимо ихъ ополченія, не сказавъ ни слова. Ея задумчивость была такъ велика, что она съела за свой станокъ, открыла ящикъ съ красками, взяла кисти, надѣла свои

темноцвѣтныя зарукавья, поправила передникъ, взглянула на каршину, осмотрѣла свою палистру, почти не думая о томъ, что дѣлала.

Всѣ головы первой группы были обращены къ ней. Если ратники войска дѣвицы де Монсорень не обнаруживали столь явно своего неперенія, то ихъ украдочные взгляды и перемигиванья шѣмъ не менѣе обращены были на Джиневру.

— „Она не догадывается ни о чемъ!“ сказала дѣвица Планша.

Въ ту мину, какъ эти слова были произнесены, Джиневра оставила задумчивое положеніе, въ коемъ разсматривала свое пошито, и обернула голову къ аристократической группѣ. Она измѣрила однимъ взглядомъ разстояніе, которое ее отъ нихъ отдѣляло, и продолжала хранить молчаніе.

— „Ей и въ голову не приходитъ, что надъ ней хохотъ и руганье!“ продолжала дѣвица Планша: „она не покраснѣла и не поблѣднѣла ни крошечки!.. Уфъ! какъ подсыкушся эти барышни, если Джиневра найдетъ себя еще лучше на этомъ мѣстѣ, чѣмъ на спа-

ромъ! — — — Вы слишкомъ выдвинулись изъ ряда!“ прибавила она тогда громко, обращаясь къ Джиневрѣ.

Италіянка прищворилась, что не слышишь ее; или, можешь быть, и въ самомъ дѣлѣ не слыхала. Она вспала проворно и пошла медленно вдоль перегородки, опдѣлявшей черный чуланъ отъ залы.

Видъ ея былъ задумчивъ, сосредоточенъ; глаза, казалось, разглядывали окончину, сквозь кошорую падалъ свѣтъ. Она взлѣзла потомъ на стулъ, что-бы подвязать повыше зеленую саржевую заневѣску, кошорая прерывала лучи. Но поднявшись до этой высоты, она примѣшила, фуша на полтора выше своей головы, не большую щель въ перегородкѣ. Взоръ, кошорый бросила она на эту щель, можешь быть сравненъ только со взоромъ скупца, нашедшаго сокровища Аладина. Она проворно сошла, воропилась на свое мѣсто, установила каршину и прищворилась, будто все не довольна свѣтомъ.

Тогда она пододвинула stoolъ къ перегородкѣ и поставила на немъ стулъ; потомъ,

взобравшись проворно на эти подмости, увидѣла себя наровнѣ съ трещиной. Она бросила одинъ только взглядъ на чуланъ и нашла его освященнымъ; но то, что она въ немъ примѣтила, возбудило въ ней столь живое чувство, что она вздрогнула.

— Ахъ! вы упадете — закричала Лора.

Всѣ дѣвушки обратились на безразсудную, которая дѣйствительно шаталась на своихъ подмосткахъ; но страхъ привлечь къ себѣ обезпокоившихся подругъ, придавъ ей смѣлость; она собралась съ силами, возстановила съ удивительною скоростію равновѣсіе, обернулась къ Лорѣ, вышла на своемъ тронѣ и сказала не совсѣмъ швердымъ голосомъ:

„Какъ не такъ! Здѣсь шверже, чѣмъ на иномъ мѣстѣ повыше!“

Она поспѣшила сорвать занавѣску, слѣзла, оштолкнула stool и спула далеко отъ перегородки и подошла къ своему станку. Нѣсколько разъ пробовала она передвигать его, какъ будто стараясь найти приличную массу свѣта, но картина совсѣмъ ее не занимала; намѣреніе ея было подвинулось

какъ можно ближе къ черному чулану. Наконецъ она помѣстилась, какъ ей хотѣлось, подлѣ двери, и начала приготавливать свою палифру въ глубокомъ молчаніи.

Вскорѣ услышала она вняшнѣе, на этомъ мѣстѣ, легкій шумъ, который еще прѣдняго дня возбудилъ въ ней живѣйшее любопытство и заманилъ юное ея воображеніе въ обширное поле догадокъ. Тогда она различила удобно крѣпкое и правильное дыханіе спящаго человѣка. Ея любопытство было удовлетворено сверхъ ея желаній; но она увидѣла себя вмѣстѣ подлѣ ужасною отвѣтственности. Сквозь щель она примѣтила мундиръ съ Императорскимъ опроверженнымъ орломъ и, на окровавленной постелѣ, слабо освѣщенной чрезъ слуховое окно, фигуру офицера. Все теперь для ней объяснилось: это былъ осужденный бѣглець. Теперь она прѣдешала безпрестанно, чтобы какая нибудь изъ подругъ ея не подошла къ ней посмопръѣть ея работу и не услышала или дыханія несчастнаго изгнанника, или слишкомъ крѣпкаго вздоха, подобнаго тому, который, въ прошлый классъ, порателес. Ч. II.

зиль слухъ ея. Между тѣмъ она рѣшилась оставаться возлѣ этой двери, надѣясь ловкостію своею предупредить и обезоружить несчастіе.

— „Лучше гораздо“ — думала она — „сидѣть здѣсь и подстерегать заранѣе всякой неблагопріятный случай, чѣмъ оставить бѣднаго несчастливца въ жершву первой въспренности!“

Такова была тайна видимаго равнодушія, которое показывала Джиневра, нашедши свой спанокъ не на прежнемъ мѣстѣ. Она была внутренне этимъ очарована; ибо могла теперь весьма естественнo удовлетворить любопытству, занимавшему ее очень живо, и, въ эту минуту, думала совсѣмъ о другомъ, чѣмъ о розысканіи причинъ такого неожиданнаго перемѣщенія.

Для дѣвушекъ, также какъ и для всякаго изъ насъ, нѣтъ ничего прискорбнѣе, какъ видѣть, что злость, насмѣшка или острое слово не достигаетъ своей цѣли, въ слѣдствіе презрѣнія, оказываемаго жертвою. Кажется, что ненависть къ врагу возрастаетъ по мѣрѣ высоты, на которой онъ стоитъ надъ нами.

Поведеніе Джиневры Піомбо естественнѣ сдѣлалось загадкою для ея подругъ. Ея пріятельницы, также какъ и непріятельницы, были равно удивлены; ибо ей — общимъ мнѣніемъ приписывались всѣ возможныя качества, выключая забвеніе обидъ.

Хошя случаи къ обнаруженію сего недоспашка въ характеръ Джиневры рѣдко представлялись въ произшествіяхъ мастерской: тѣмъ не менѣе опыты, въ коихъ она могла изобличить свои мстительныя расположенія и неутомимую твердость сердца, оставили весьма глубокія впечатлѣнія въ сердцахъ подругъ ея.

Послѣ многихъ догадокъ, дѣвица Планша остановилась на мысли, что молчаніе Италіянки выражаетъ величіе души, превышающее всякую похвалу; и ея кругъ, вдохновенный ею, сдѣлалъ заговоръ опмститъ аристокрашіи мастерской. Онѣ достигли, какъ не лѣзя лучше, своей цѣли; и сарказмы лѣвой стороны низложили гордость стороны правой, какъ прибытіе Госпожи Сервень положило конецъ этой борьбѣ партій.

Но дѣвица де Монсорень, съ шою шонкостію, копорая всегда сопровождаешъ злобу, замѣшила, разобрала и дополнила полкованіями необыкновенную задумчивость, препяшествовавшую Джиневръ слышашъ колко-въжливый споръ, коего она была предметомъ. Тогда мщеніе, копорое дѣвица Планша и ея подруги обратили на дѣвицу де Монсорень и ея маленькую рапъ, произвело весьма пагубное слѣдствіе, обративъ внимательность аристократокъ на розысканіе причинъ спраннаго безмолвія, копорое сохраняла Джиневра Піомбо. И вошъ, прекрасная Италіянка сдѣлалась средоточіемъ всѣхъ взоровъ и подверглась соглядательству и пріятельницъ и непріятельницъ. Но весьма трудно скрыть самое малѣйшее движеніе, самое слабѣйшее чувство опъ дюжины праздныхъ, любопытныхъ дѣвушекъ, коихъ остроуміе и лукавство ищешъ шолько таинствъ, чшобы разгадывашъ, и инпригъ, чшобы запѣвашъ и разстроивашъ, и копорыя умѣють давашъ слишкомъ много различныхъ исполкованій каждому жесту, каждому движенію глазъ, каждому слову, чшобы

не дойши до настоящаго ихъ смысла. И такъ, по истеченіи четверти часа, тайна Джиневры ди Піомбо подвергалась наспояшельной опасности быть открытою.

Въ эту минушу появленіе Госпожи Сервень произвело родъ анпр-акша въ драмѣ, кошорая глухо разыгрывалась во глубинѣ эпихъ юныхъ сердець, и кошорой чувствованія, мысли и ходъ выражались довольно рѣзко аллегорическими фразами, коварными взглядами, жестами и самымъ молчаніемъ, часто болѣе поняшнымъ, чѣмъ всякое слово.

Какъ скоро Госпожа Сервень вошла въ мастерскую, ея глаза устремились на дверь чулана, возлѣ кошорой сидѣла Джиневра. Въ настоящихъ обстоятельствевахъ взглядъ сей не былъ ни кѣмъ потерянъ; но ни одна изъ ученицъ не обратила на то вниманія. Послѣ, дѣвица де Монсорень, вспомнила объ ашомъ; и тогда она объяснила недовѣрчивость, боязнь и шаинственность, кошорыя въ эту минушу сообщили какой-то необыкновенный багрянецъ глазамъ прекрасной супруги ихъ учишеля.

— „Сударыни!“ сказала сія послѣдняя: „Г. Сервень не можешъ къ вамъ бытъ сего дня!“ —

Потомъ, привѣтствуя по порядку каждую дѣвушку, говоря съ каждою что-нибудь, и принимая опъ всѣхъ кучи тѣхъ женскихъ ласкашельствъ, кои сполько же выражаются голосомъ и взорами, какъ и всѣми жеспами, она скоро дошла до Джиневры, съ безпокойствомъ, которое щещно скрытъ усиливалась.

Италіянка и жена живописца обмѣнялись другъ съ другомъ дружескимъ наклоненіемъ головы. Онѣ оспались обѣ въ молчаніи, одна рисуя, другая смотря на ея рисованье. Дыханіе заключеннаго слышалось очень явственно; но Госпожа Сервень, казалось, ничего не примѣчала; и ея припворство было шакъ велико, что Джиневра приведена была въ искушеніе обвинить ее въ добровольной глухотѣ. Между тѣмъ незнакомецъ поворошился въ своей постелѣ. Тогда она посмотрѣла внимательно на Госпожу Сервень, которая, не показывая ни малѣйшей перемѣны въ чертахъ своихъ, сказала ей:

„Я не знаю, чему отданъ преимущество: ваша копія также прекрасна, какъ оригиналь.“

— „Г. Сервень вѣроятно, не довѣрилъ этой тайны женѣ своей“ — подумала Джиневра, и опивѣчавъ ей пріятною улыбкою недовѣрчивости, начала напѣвать одну изъ канцонеттъ своей родной стороны, дабы прикрыть шумъ, который могъ еще произвестъ заговорникъ.

Слышавъ пѣніе суровой Италіанки за работою была такая необычайность, что всѣ дѣвушки, удивленные, обратили на нее свои взоры; и, въ послѣдствіи, это обстоятельство послужило новымъ подтвержденіемъ для благосклонныхъ догадокъ ненависти. Госпожа Сервень немедленно ушла; и классъ кончился безъ всякаго новаго приключенія.

Джиневра дала время удалиться всѣмъ своимъ подругамъ, не показывая намѣренія за ними слѣдовать. Она, казалось, хотѣла заняться работою подолѣе; но желаніе оспаться одной измѣняло ей, безъ ея вѣдома; ибо, по мѣрѣ какъ ея подруги уходили, она бросала на

нихъ взоры неперпѣнія. Дѣвица де Монсоренъ, сдѣлавшись въ нѣсколько часовъ жесточайшею непріятельницею той, которая заимѣвала ее во всемъ, угадала, по инстинкту ненависти, что припворная засидѣлость за работою ея соперницы скрываетъ тайну. Она поражена была нѣсколько разъ внимательнымъ видомъ, съ коимъ Джиневра, казалось, вслушивалась въ шумъ, котораго никто не слыхалъ; но выраженіе, замѣченное ею, при последнемъ обстоятельстве, въ глазахъ Италіянки, было для ней лучемъ свѣта, вразумившимъ ее, что надобно было сдѣлать. И такъ, позабывъ съ намѣреніемъ свой мѣшокъ, она вышла послѣ всѣхъ ученицъ и зашла къ Госпожѣ Сервентъ, съ которою проговорила нѣсколько минутъ. Потомъ, припворившись, что замѣтила забывчивость, съ которой оставила свой мѣшокъ, она ворошилась немедленно въ мастерскую попихоньку. Тогда увидѣла она, что Джиневра, переждавъ всѣхъ, взгромоздила опять подмостки на скорую руку и такъ погрузилась въ размашиваніе зрѣлища, представлявшагося ей сквозь прѣщину перегородки, что не слыхала нисколько

шороха , производимаго шагами. ея подруги ; правду сказаць и то , что , сія послѣдняя , по выраженію Вальшера Скопша , ходила какъ будто по яицамъ.

Когда дѣвица де Монсорень подошла назадъ къ двери., она кашлянула ; Джиневра вздрогнула , обернула голову , увидѣла свою непріятельницу , покраснѣла краснѣ полеваго мака и бросилась подвязывать занавѣску , чтобы прикрыть свои намѣренія : но лазупчица уже исчезла.

Джиневра слезла немедленно , убрала свои краски и оставила мастерскую , унося , въ своемъ воспоминаніи , образъ головы , столь же прелестной , какъ голова Эндиміона , образцовое произведеніе Жироде , которую она копировала за нѣсколько дней. Лице незнакомца было также тонко , также бѣло , также чисто , какъ любимца Діаны.

— „Осудить такого молодого чело-
вѣка !.. Кто бы это могъ быть ?“ ...

Эти двѣ фразы были самымъ простымъ выраженіемъ всѣхъ мыслей , на которыя прибирала толкованія Джиневра въ продолженіе двухъ дней.

На прешій день, какъ ни хотѣлось ей прибыть первою въ масперскую, она нашла уже тамъ дѣвицу де Монсорень, которая велѣла себя привезти въ каретѣ. Джиневра и ея непріятельница наблюдали долго другъ друга; но лица обѣихъ были покрыты непроницаемостію и для шой и для другой. Дѣвица де Монсорень уже успѣла подсморгнуть прелестную голову незнакомца; но, по счастію и по несчастію вмѣстѣ, орлы мундира были не въ томъ положеніи, чтобы можно было примѣнить ихъ въ щрещину. И такъ она потерялась въ догадкахъ.

Вдругъ Г. Сервень вошелъ гораздо ранѣе обыкновеннаго,

— „Сударыня“ сказалъ онъ Джиневрѣ, окинувъ однимъ взглядомъ масперскую: „за чѣмъ вы здѣсь расположились?.. Свѣтъ для васъ совсѣмъ не выгоденъ... подвиньтесь-ка лучше къ этимъ барышнямъ и опустите вашу занавѣску!“ ..

Онъ сѣлъ попомъ къ Лорѣ и занялся исправленіемъ ея работы.

— „Какъ!“ вкричалъ онъ: „вотъ чудесная голова!... Да вы будете другая Джиневра!“ ..

Учитель переходилъ отъ спанка къ спанку, журия, лаская, шутя, и, по обыкновенію своему, заставляя болѣе бояться своихъ шутокъ, чѣмъ выговоровъ.

Между тѣмъ Италіянка не послушалась замѣчаній своего учителя и осталась съ швердымъ намѣреніемъ не покидать своего поста. Она взяла опять бумагу и начала набрасывать голову бѣднаго зашворника. Дѣло, зачатое страстію, носишь всегда особенную печаль. Способность даешь переводамъ съ природы или съ мысли цвѣтъ истины — составляешь принадлежность генія; но часто спрассъ съ нимъ соперничаетъ. Такимъ образомъ, въ обстоятельстве, въ коихъ находилась Джиневра, воспоминанія, коими она была преслѣдуема, или можешь быть нужда, сія мать великихъ вещей, сообщила ей палантъ сверхъестественный. Голова наброшена была на бумагу съ удивительнымъ искусствомъ. Казалось, что нѣкій богъ оживлялъ взоры, руку и кисть молодой художницы. Она чувствовала внутренній трепетъ, который приписывала боязни, но въ которомъ любой фیزیологъ призналъ бы лихорадку вдохнове-

нія. Глаза ея украдкой посматривали не рѣдко на подругъ, дабы въ случаѣ нескромности съ ихъ спороны скрыть рисунокъ; но, не смотря на свою бдительную оспорожність, была минуша, когда она не примѣтила лорнешки, которую непримиримая ея непріятельница наводила безстыдно на ея таинственную работу. Признавая черты незнакомца, дѣвица де Монсоренъ подняла безъ дальнихъ церемоній голову сверхъ большой рамы, прикрывавшей ея измѣнническое соглядательство; но Джиневра свернула немедленно бумагу.

— „За чѣмъ же вы остаетесь тамъ, не смотря на мой совѣтъ, сударыня?“ спросилъ важно учитель Джиневру.

Ученица обернула проворно свой станокъ такъ, что никто не могъ видѣть ея картины; потомъ, положивши свой рисунокъ на полотно, опѣтала смущеннымъ голосомъ, показывая его учителю:

— „Развѣ вы не находите, что здѣсь свѣтъ гораздо выгоднѣе, и что я должна здѣсь остаться“...

Г. Сервень поблѣднѣлъ. Стыдливый румянецъ заигралъ на челѣ дѣвушки.

Ничто не скрывается отъ проника-
тельныхъ взоровъ ненависти; и посе-
му дѣвица де Монсорень впѣснилась,
такъ сказать, въ претъ между чувство-
ваніями, волновавшими учителя и уче-
ницу.

— „Вы правы,“ сказалъ Г. Сер-
вень. „Да вы скоро будете знать боль-
ше меня“ — прибавилъ онъ потомъ,
смѣясь принужденно.

Настала пауза, въ продолженіе ко-
торой учитель разсматривалъ голову.

„Это чудесное произведеніе!“...
вскричалъ онъ потомъ съ жаромъ худо-
жника.

Сіе восклицаніе было какъ будто
сигналомъ. Всѣ дѣвушки вспали. Дѣвица
де Монсорень подлетѣла съ быстротою
птицы, устремляющагося на свою добы-
чу. Въ эту минуту, изгнанникъ, безъ
сомнѣнія пробужденный, заворочался.
Джиневра уронила нарочно табуретъ,
произнесла нѣсколько несвязныхъ фразъ
и начала смѣяться. Но она успѣла свер-
нуть портретъ и заложила его въ
портфель, прежде чѣмъ ужасная непрі-
ятельница ея могла примѣшиться. Спа-
нокъ былъ окруженъ; и Г. Сервень гро-

могласно спалъ исчислялъ красоны копій, которую работала въ это время его любимая воспитанница. Всѣ были обманушы эшимъ опводомъ, исключая дѣвицу де Монсорень, которая, ставъ позади своихъ подругъ, намѣревалась открытъ поршфейль, въ который спрятанъ былъ рисунокъ. Джиневра схватила картонъ и положила предъ собой, не говоря ни слова. Обѣ дѣвушки посмотрѣли другъ на друга въ молчаніи. Ненависть пустила глубоко корни въ сердца ихъ.

— „Довольно, сударыни! по мѣстамъ!“... сказалъ Г. Сервень. „Если вы хопите успѣвать также, то не надобно толковать безпрестанно о модахъ, да о балахъ и пересыпать изъ пущаго въ порожнее.“ — Когда всѣ дѣвушки уѣхали за свои спанки, Г. Сервень сѣлъ подлѣ Джиневры.

— „Не гораздо ли лучше, что эта шайна была открыта мной, а не другою?“... сказала Ишаліянка тихимъ голосомъ.

„Да!“ отвѣчалъ живописецъ: „вы истинная папріюпка!... Но если бы вы и не были таковы, все бы вамъ я могъ ее довѣрить!“...

Ученикъ и ученица бросили другъ на друга по глубокому взгляду. Они поняли совершенно другъ друга.

И такъ Джиневра не побоялась спросить далѣе :

— „Кто жъ это такой?“..

„Искренній другъ Лабедуайера — пошъ, который, послѣ несчастнаго Полковника, наиболѣе содѣйствовалъ къ соединенію седьмага полка съ гренадерами острова Эльбы.“..

— „За чѣмъ же вы не сожгли его мундира, его эполетъ, и не одѣли его въ простое плашье?“.. сказала съ живостию Джиневра.

„Мнѣ оно будешъ принесено сего дня вечеромъ.“

— „Такъ вамъ надобно бъ было заперешъ на нѣсколько дней мастерскую!“

„Онъ скоро отправляется.“

— „Чтобы тѣмъ скорѣе себя погубить,“ сказала Джиневра. „Оставьте его у себя, пока еще не схлынули первыя волны! Парижъ есть теперь единственное мѣсто, гдѣ можно скрыть въ безопасности человека!... Это вашъ другъ?“.. спросила она пошомъ.

„О! нѣтъ! Несчастіе есть единственное его право на мои услуги. Вопъ какъ онъ попалъ мнѣ на руки: шестъ мой, вступившій было опять въ службу во время этой кампаніи, встрѣпилъ этого молодого человѣка и умѣлъ искусно спасти его изъ когтей, въ которые попался Лабедуайеръ! Онъ хотѣлъ было защищать его — безразсудный!“ ..

— „И вы такъ его называете!“ .., вскричала Джиневра, бросивъ взглядъ изумленія на живописца, который хранилъ съ минушу молчаніе.

„Мой шестъ такъ окруженъ шпионами, что ему никакъ нельзя было оставить его у себя“ — продолжалъ онъ. „Онъ привелъ его ко мнѣ ночью, на прошедшей недѣлѣ. И я надѣялся скрыть его опять всѣхъ взоровъ, помѣстивъ въ этомъ углу, единственномъ во всемъ домѣ, гдѣ онъ могъ быть въ безопасности.“

— „Если я могу быть вамъ полезна“ — вскричала тихо молодая дѣвушка — „то располагайте.“ ..

„Очень хорошо! Мы посоветуемся съ нимъ самимъ“ ... ошѣчалъ живописецъ.

Эпозъ разговоръ продолжался такъ долго, что не могъ не возбудить вниманіа двушекъ. Г. Сервень османилъ Джиневру, обошелъ опять всѣ спанки, и такъ долго дѣлалъ наставленія, что не успѣлъ еще сойти съ лѣсницы, какъ ударилъ часъ, въ кошоромъ ученицы обыкновенно расходились.

„Вы забываете свой мѣшокъ, сударыня!“ .. вскричалъ учитель, побѣждавши вслѣдъ за дѣвицею де Монсорень, которая намѣревалась приняться за прошедшую спрагагему, для удовлетворенія своей ненависти.

Лазушчица ворошила въ свой мѣшокъ, изъясняя притворное удивленіе своей разсѣянностію; но эта заботливостъ Г. Сервень послужила для ней новымъ доказательствомъ существованія шайны, коей важностъ была ею проникнута. Ея изобрѣтательное воображеніе придумало уже и ключъ къ этой шайнѣ, такъ что она могла сказать съ Аббапомъ Вертопомъ : „mon siége est fait!“

Она сбѣжала съ шумомъ по лѣсницѣ и хлопнула крѣпко дверь, ведущую въ комнату Г. Сервень, дабы заспавишь подумать, что она ушла; но

потчасъ воропилась назадъ попихоньку и стала за дверью мастерской.

Когда живописецъ и Джиневра увидѣли себя наединѣ, первый ударилъ особеннымъ образомъ въ дверь чулана, которая потчасъ закричала на своихъ заржавѣлыхъ крючьяхъ. Взорамъ Италіянки представился высокій и стройный молодой человекъ, коего мундиръ потрясъ ея сердце. Одна рука офицера висѣла на шарфѣ; блѣдность, покрывавшая его лице, свидѣтельницаствовала объ его страданіяхъ. Увидѣвши незнакомую женщину, онъ затрепеталъ и невольно вскрикнулъ.

Дѣвица де Монсорень, которая не могла ничего видѣть, побоялась остаться долѣе. Ей довольно было услышать крикъ офицера и скрипъ двери. Она ушла попихоньку.

„Не бойтесь ничего!“ сказалъ живописецъ офицеру! „Это дочь самаго вѣрнѣйшаго друга Императору, Барона ди Піомбо!“

Молодой воинъ не могъ оставаться ни на минуточку въ сомнѣніи касательно Джиневры, какъ скоро взглянулъ на нее. Въ эту минуточку лице ея имѣло небесное выраженіе.

— „Вы ранены?“ сказала она голосомъ, коего звукъ измѣнялъ ея сердечному движенію.

„О! это, ничего, сударыня! рана уже закрывается!“

Въ эту минуту пронзительные крики разнощиковъ достигли до мастерской :

— „Приговоръ, осуждающій на смерть“...

Всѣ трое вздрогнули. Офицеръ первый разслушалъ имя, которое заставило его поблѣднѣть еще болѣе. Онъ зашатался и долженъ былъ сѣсть на спуль.

„Это Лабедуайеръ!“ вскричалъ онъ.

Они смотрѣли другъ на друга въ безмолвіи. Крупныя капли пота пробились на посинѣвшемъ почти челѣ молодаго человека. Съ судорожнымъ движеніемъ отчаянія схватилъ онъ прѣпещущую рукою за черныя пряди своихъ волосъ и облокотился на край станка Джиневры.

„Но“ — вскричалъ онъ, приподнимаясь внезапно — „Лабедуайеръ и я... мы знали, что дѣлали... Мы знали участь, которая насъ ожидала при торжествѣ и при паденіи. Онъ умираетъ за свое дѣло, а я — я скрываюсь!“

Онъ успремился къ дверямъ мастерской; но Джиневра, будучи легче его, бросилась впередъ и заслонила ему дорогу.

— „Пособите ли вы теперь Императору?“ — сказала она. „Думаете ли вы, что можете возстановить исполнина, когда онъ самъ не могъ удержатъ себя!“ . . .

Молодой человѣкъ ворошилъ медленно къ живописцу, который стоялъ неподвиженъ.

„Чтожь мнѣ дѣлать теперь?“ . . . сказалъ онъ, обращаясь къ двумъ благодѣтельнымъ существамъ, коихъ судьба ему послала. „У меня нѣтъ ни души родной во всемъ свѣтѣ. Императоръ былъ моимъ ошцемъ и Лабедуайеръ — моимъ другомъ! . . . Все мое семейство было въ нихъ. Я теперь одинъ. Завтра можешь быть я буду осужденъ на позоръ, или на смерть. Все мое имѣніе состояло въ жалованьи. Я издержалъ послѣднее су, чтобы лѣстѣть на помощь къ Лабедуайеру и спараться спасти его. И такъ смерть сдѣлалась для меня необходимостію! . . . Это единственное безопасное для меня убѣжище!.. Но кто рѣшился умереть, тотъ долженъ по крайней мѣрѣ умѣть продать

свою голову Я думалъ сію минуту, что жизнь одного честнаго человека стоишь презрѣннаго существованія двухъ измѣнниковъ и что одинъ махъ кинжала можешь дать безсмертіе!“ . . .

Сей порывъ ошчаенія успрашилъ живописца и даже самую Джиневру; но она поняла молодого человека. Эта прекрасная голова и эпошь прекрасный голосъ, коего нѣжная очаровательность едва возмущена была симъ бурнымъ ожесточеніемъ, восхищили ее до сладкаго умиленія. Она собралась однако съ силами и поспѣшила пролить цѣлебный бальзамъ на раны несчастливца.

— „Государь мой!“ — сказала она — „если васъ превожитъ недоспашокъ въ деньгахъ, то позволше вамъ предложить восемь сотъ франковъ. . . они составляютъ мою собственность. Отецъ мой богатъ; я единственная дочь его; онъ меня любитъ; и я увѣрена, что онъ не осудитъ меня . . . Не увлекайтесь ложнымъ стыдомъ и разборчивостью. Все наще имѣніе ошъ Императора; и нѣтъ у насъ ни одной санцимы, кошорая не была бы памятникомъ его

щедрости. Обязать одного изъ вѣрныхъ его воиновъ не есть ли долгъ, требуемый отъ насъ признательностію? И такъ примите это безъ церемоній, какъ я вамъ предлагаю. Вѣдь это только деньги!..“ прибавила она тономъ презрѣнія. — „Чтожь касается до друзей, вы ихъ сыщете, . .“

Здѣсь она подняла съ гордостью голову и ея глаза засверкали необыкновеннымъ выраженіемъ.

— „Голова, которая завтра падеть подъ дюжиною ружьевъ, спасаетъ вашу!“ продолжала она. „Подождите, пока буря пройдетъ; тогда вы можете отправиться искать службы въ чужихъ краяхъ, если васъ забудутъ. . .“

Въ утѣшеніяхъ, которыя подаетъ женщина, есть какая-то необыкновенная нѣжность, опзывающаяся всегда чѣмъ-то мадеринскимъ, предусмотрительнымъ, полнымъ; но — когда, къ симъ словамъ мира и надежды, присоединяется еще прелесть движеній и то могущественное краснорѣчіе звуковъ, которое идетъ прямо изъ сердца — когда особенно утѣшительница не только благотельна, но и прекрасна, какъ Ангель . . . тогда трудно ей пропироваться.

Молодой офицеръ вдыхалъ любовь всѣми чувствами. Онъ былъ въ неизъяснимомъ восхищеніи. Легкій розовый румянецъ заигралъ на его лилейныхъ щекахъ, глаза засіяли сквозь вистѣвшій на нихъ туманъ унынія и онъ вскричалъ особеннымъ тономъ голоса:

„Вы Ангель благоспи!.. — Но...
Лабедуайеръ...“ примолвилъ онъ...
„Лабедуайеръ!..“

При семъ восклицаніи, всѣ шрое посмотрѣли опять другъ на друга въ молчаніи. Это были не двадцашиминутные, а двадцатилѣтніе друзья!

„Другъ мой“ — перервалъ Г. Сервень — „можете ли вы спасти его?“
— „Нѣтъ! Но я могу за него отмстить!“ —

Джиневра задрепетала.

Незнакомецъ былъ можетъ быть слишкомъ прекрасенъ для мужчины; и однако взоръ его не проникъ во глубину сердца молодой дѣвушки: ибо нѣжное состраданіе, на которое женщины всегда распотчительны для бѣдствій, не заклеянныхъ презрѣніемъ, подавляло въ Джиневрѣ всякое другое чувство. Но услышавъ этотъ вопль мести, встрѣ-

тишь въ изгнанникъ душу Италианскую, безусловную преданность къ Наполеону, самоопроверженіе. . . этого было для ней слишкомъ много !

Теперь она смотрѣла на него съ благоговѣйнымъ волненіемъ, которое сильно колебало ея сердце. Въ первый еще разъ мужчина заставлялъ ее испытывать столь живое чувство. Ей пріятно было созерцать душу незнакомца въ гармоніи съ красотою прелестныхъ чертъ лица его и съ счастливыми пропорціями его снана, которымъ она любовалась, какъ художница. По расположенію обстоятельствъ, она перешла отъ любопытства къ жалости и отъ жалости къ участию столь могущественному, къ чувствованіямъ столь глубокимъ, что почла опаснымъ оставаться здѣсь долѣе.

— „До завтра! . .“ сказала она, оставляя въ удовольствіе офицеру прелестнѣйшую изъ своихъ улыбокъ.

При видѣ этой улыбки, бросившей какъ будто новый свѣтъ на лице Джиневры, незнакомецъ забылъ все на минуту. Индѣйская Пери не могла быть прекраснѣе.

„Завтра“ — отвѣчалъ онъ однако печально — „завтра, Лябедуайеръ...“

Джиневра обернулась, приложила палецъ къ губамъ и посмотрѣла на него, какъ будто желая сказать :

— „Успокойтесь, будьте благодарны!“

Тогда молодой человѣкъ воскликнулъ :
„o Dio! che non vorrei vivere dopo aver la veduta!
(о Боже ! кто не захочетъ жить, увидавъ ее) ! . .

Особенное нарѣчіе, коимъ онъ произнесъ эту фразу, заставило вздрогнуть Джиневру.

— „Вы Корсиканецъ?“ — вскричала она, возвращаясь къ нему съ сердцемъ, шепещущимъ ошъ удовольствіи.

„Я родился въ Корсикѣ“ — отвѣчалъ онъ : но еще въ дѣтствѣ привезенъ былъ въ Геную ; и какъ скоро достигъ возраста, въ которомъ вступаютъ въ службу, сдѣлался солдашомъ.“

Красота незнакомца не была уже ничѣмъ для Джиневры. Сверхъестественная прелесть, которую ему придавалъ энтузіазмъ къ Бонапаршу, его рана, его несчастія, даже самая его опасность — все теперь исчезло, или лучше, расплодилось въ одно новое, сладкое чувство.

Эпопъ изгнанникъ говорилъ роднымъ языкомъ Джиневры; это былъ дитя Корсики. Молодая дѣвушка оспалаеь нѣсколько минушь неподвижною, какъ будто окованная волшебною силою. Въ самомъ дѣлѣ, предъ глазами ея находилась живая картина, коей соединеніе всѣхъ человѣческихъ чувствованій и прогашельныхъ обстоятельствъ сообщало самыя очаровательныя цвѣтши.

По приглашенію Г. Сервеня, офицеръ сѣлъ на диванъ; и живописецъ, развязавъ шарфъ, на кошоромъ висѣла рука его госпя, началъ снимать пластырь, чшобы перевязать рану. Джиневра задрожала, увидя длинный и широкій рубецъ на рукъ молодаго челоуѣка, запекшійся еще свѣжею кровью. Она испустила невольный крикъ. Незнакомецъ поднялъ къ ней голову и улыбнулся. Чшо-то прогашельное и идущее прямо изъ души выразалось во внимательности, съ коюрою живописецъ снималъ корпш и допрогивался до раны; между тѣмъ какъ лице незнакомца, хошя блѣдное и болѣзненное, выражало, при видѣ молодой дѣвушки, болѣе наслажденіи, чѣмъ спраданія. Всякая художница долж-

на была невольно пронушья эшою про-
шивоположностью чувствованій и кон-
шраспомъ , представляемымъ бѣлизною
обнаженной руки и бѣлья съ голубымъ и
краснымъ мундиромъ офицера.

Въ эту минушу крошкая темноша
царствовала въ мастерской. Солнце освѣ-
щало послѣднимъ лучемъ мѣсто , на ко-
шоромъ находился изгнанникъ, шакъ что
его благородное и бѣлое лице, его чер-
ные волосы, его плашье , все было за-
липо свѣшомъ. Эшо было нѣкоторымъ
родомъ предзнаменованія для суевѣрной
Ишаліанки : незнакомецъ въ такомъ по-
ложеніи казался ей Ангеломъ свѣща. Онъ
далъ ей услышать языкъ ея родины ; и
Джиневра предалась очарованію воспо-
минаній своего дѣшства , между тѣмъ
какъ въ сердцѣ ея раждалось чувство
спольже свѣжее, спольже чистое, какъ
первый возрастъ ея невинности. Глу-
бокое молчаніе царствовало. Все содѣй-
ствовало къ шому, чтобы запечатлѣть
эшу сцену въ памяти Джиневры. Она
пробыла самое крашкое мгновение за-
думчивою и какъ бы погруженною въ
мысль безконечную ; пошомъ, устыдив-
шись эшой задумчивости, обмѣнилась

нѣжнымъ, но быспрымъ взоромъ съ изгнанникомъ и убѣжала, имѣя его безпрестанно предъ глазами.

На другой день Джиневра пришла въ мастерскую; и какъ это былъ не классный день, то заключенный провелъ его съ своею соотечественницею. Г. Сервень долженъ былъ окончить одинъ эскизъ; и посему дозволялъ затворнику быть въ мастерской, служа менторомъ для обоихъ молодыхъ людей, которые говорили большею частію италіянски.

Несчастный воинъ рассказалъ спраданія, которыя онъ испыталъ во время Московскаго бѣгства. Девятнадцати лѣтъ, находился онъ при переходѣ чрезъ Березину, одинъ изъ своего полка, потерявъ всѣхъ товарищей, единственныхъ людей, которые могли принимать участіе въ бѣдномъ сиротѣ. Огненными чертами изображалъ онъ великое пораженіе при Ватерлоо. Его голосъ былъ музыкою для Италіянки. Джиневра не была воспитана по-французски: она была, нѣ-которымъ образомъ, дочерью природы и не знала лжи. Въ самомъ могуществѣ ея характера и красоте находилось какое-то дѣтское простодушіе; ибо она пре-

давалась безъ всякаго принужденія своимъ впечатлѣнїямъ и сознавалась въ нихъ, или лучше, давала угадывать ихъ, безъ всякихъ уловокъ того мѣлочнаго и расчесливаго кокетства, которое столько свойственно Парижскимъ дѣвушкамъ. И такъ, въ продолженіе всего этого дня, она ошивалась нѣсколько разъ, съ палиброю въ рукѣ и съ кистью въ другой, но такъ, что ни кисть, ни палибра не касались другъ друга. Съ взорами, прикованными къ офицеру и съ ушами полуоткрытыми, она слушала его, держа безпрестанно наготовѣ кисть и не шевеля ею. Она не удивлялась нисколько нѣжности, притѣяемой ею въ глазахъ офицера; ибо чувствовала то же самое въ собственныхъ глазахъ, противъ своей воли. Потомъ начинала она рисовать съ особенною внимательностью, въ продолженіе цѣлыхъ часовъ, не поднимая головы; потому что онъ былъ пущъ же, возлѣ ней, и глядѣлъ на ея работу. Въ первый разъ, какъ онъ сѣлъ подлѣ ней и началъ смотрѣть въ безмолвіи, она сказала ему смущеннымъ голосомъ, послѣ длинной паузы:

— „Вы вѣрно любите смѣрять, когда рисуютъ?“ . .

Въ этотъ день она узнала, что его звали Людовикомъ. Прежде разставанья, они условились, чтобы, въ классные дни, если случится какое-нибудь важное политическое происшествіе, Джиневра подавала извѣстіе ему, напѣвая тихимъ голосомъ Италіанскія аріи.

На другой день дѣвица де Монсореень рассказала, за шайну, всѣмъ своимъ подругамъ, „что Джиневра ди Пюмбо любима однимъ молодымъ человекомъ, который въ часы, назначенные для уроковъ, скрывался въ черномъ чуланѣ подлѣ мастерской.

— „Вы всегда заступаетесь за нее,“ сказала она дѣвицѣ Планшъ; „а извольте-ка посмотрѣть за нею попристальнѣе; вы увидите, въ чемъ она проводитъ время!“ —

И такъ Джиневра была наблюдаема съ дьявольскою внимательностію. Всѣ ея пѣсни были подслушаны, всѣ взгляды подмѣчены. Тогда какъ она была увѣрена, что никто ее не видитъ, дюжина глазъ безпрестанно спорожила за нею. Будучи такимъ образомъ предупреждены,

эти вострушки могли исполковывать въ настоящемъ смыслъ волненіе, обнаруживавшееся на сіяющемъ лицѣ Италіанки, ея движенія, особенное выраженіе напѣвовъ и внимательный видъ, съ коимъ она вслушивалась въ неявственные звуки, доходившіе только до ней одной изъ-за перегородки.

При концѣ недѣли, изъ всѣхъ пятнадцати воспитанницъ Г. Сервеня оставалась только одна, которая не видала Людовика сквозь щель перегородки. Это была Лора, та молоденькая и миленькая дѣвочка, бѣдная и прилѣжная, которая, по инстинкту слабости, любила истинно Джиневру и все продолжала защищать ее. Дѣвица Планта уговаривала Лору остаться на лѣстницѣ при отпускѣ, чтобы доказать ей связь Джиневры и прекраснаго молодого человека, заставъ ихъ вмѣстѣ; но Лора отказалась унижить себя до шпионства, котораго не могло никакъ оправдать любопытство: почему сдѣлалась сама предметомъ всеобщаго осужденія.

Между тѣмъ Графъ де Монсореиъ наименованъ былъ Перомъ Франціи; и его глухая дочь сочла унижительною для

своего новаго достоинства ходишь въ мастерскую художника — и особенно художника, коего мѣнія ознаменованы были печашію патріотизма, или Бонапартизма, что, въ тогдашнее время, значило одно и то же. И шакъ она перестала приходить къ Г. Сервеню, который, съ своей стороны, вѣжливо отказался ходить къ ней на домъ. Сама она легко забыла Джиневру: но зло, ею посягнутое, должно было принести свои плоды.

Въ самомъ дѣлѣ, мало по малу — либо случайно, либо изъ удовольствія поболтать, либо по прищворной совѣстливости, — всѣ прочія дѣвушки уведомили своихъ матерей о чудномъ приключеніи, которое происходило въ мастерской. Это произвело общую тревогу въ семействахъ. Въ одинъ день дѣвица Планша не явилась; въ слѣдующій урокъ не сшало другой дѣвушки. Наконецъ три или четыре, которыя оставались послѣдними, ушли и не возвратились.

Мастерская опустѣла. Джиневра и Лора, ея маленькая подруга, въ продолженіе двухъ или трехъ дней, оставались единственными обитательницами

этой обширной пустыни. Италіанка совсѣмъ не примѣчала одиночества, въ коемъ она находилась, и даже не спрашивала о причинахъ отсутствія подругъ своихъ. Придумавъ не за долго предъѣльмъ средства имѣть шайнштвенныя сношенія съ Людовикомъ, она жила въ мастерской какъ въ сладкомъ убѣжищѣ, одна посреди свѣта, не думая ни о чемъ, кромѣ молодаго офицера и опасностей, его окружающихъ.

Эта дѣвушка, пламенная энтузіастка благородныхъ характеровъ, проповѣдывала Людовику, чшобы онъ покорился Королевской власти; но Людовикъ не хотѣлъ выходить изъ своего убѣжища. Если спроси родяшя и зрѣющіе только подъ вліяніемъ необыкновенныхъ и романическихъ обстоятельствъ, то можно сказать, что обстоятельства никогда не спекались такъ дружно для сойряженія двухъ существъ однимъ чувствомъ. Дружба Джиневры къ Людовику и Людовика къ Джиневрѣ въ одинъ мѣсяць сдѣлала болѣе успѣховъ, чѣмъ дружба госпиныхъ въ цѣлые десяты лѣтъ. Несчастіе есть оселокъ характеровъ; и шакъ Джиневра могла легко узнать и

оцѣнишь Людовика. Они вскорѣ почувствовали взаимное уваженіе другъ къ другу. Джиневра, которая была нѣскольکو постарше Людовика, находила неизъяснимое наслажденіе въ привязанности юноши столь благороднаго, столь испытаннаго уже судьбою и соединявшаго съ опытностію тридцатилѣтняго мужа всѣ прелести цвѣтущей молодости. Съ своей стороны, Людовикъ чувствовалъ невыразимое удовольствіе отъ покровительства, которое онъ позволялъ себѣ принимать отъ двадцати-пятилѣтней дѣвушки. Чувство сіе возбуждало въ немъ какую-то неизъяснимую гордость. Это было уже признакомъ любви. Но соединеніе силы и слабости, нежности и гордости, имѣло въ Джиневрѣ непреодолимые прелести, и Людовикъ былъ совершенно покоренъ ими. Они любили уже такъ глубоко другъ друга, что не имѣли нужды ни доказывать, ни оспаривать это другъ предъ другомъ. Тончайшая разборчивость и очаровательная симпатія составляли душу ихъ сладостнаго существованія.

Въ одинъ день, подѣ вечеръ, Джиневра услышала вожделѣнный знакъ. Лю-

Довикъ шорошилъ булавкою по панелямъ, шакъ что шумъ, производимый имъ, былъ не сильнѣе шума паука, собирающагося раскидывать свою сѣнь. Ишаліянка бросила взглядъ на масшерскую и, не видя маленькой Лоры, оповѣчала на знакъ. Людовикъ опворилъ дверь, но, взглянувши въ глубину масшерской, примѣшилъ скромную дѣвочку и зашворилъ дверь въ ту же минушу. Джиневра удивленная вспала; она увидѣла Лору и пошчасъ подошла къ ней:

— „Ты оспаешься слишкомъ поздно, Ангель мой!“ сказала она ей. „Эша голова, мнѣ кажешся, ужъ совсѣмъ кончена. Стоишь только бросишь опсвѣтъ на эшопъ локонъ.“

„Вы бы очень одолжили меня“ — оповѣчала Лора смущеннымъ голосомъ — „если бъ поправили мнѣ эшу копію. По крайней мѣрѣ, эшо оспалось бы мнѣ на память. . .“

— „Очень хорошо!“ сказала Джиневра, надѣясь такимъ образомъ проводить ее поскорѣе. „Я думаю“ — продолжала она, вода слегка кистью — „что тебѣ не близко ходишь въ масшерскую?“

„Ахъ! Джиневра! я оставляю ее!“ .. вскричала заплакавъ дѣвочка: „и навсегда. . .“

Это восклицаніе, исполненное унынія, не поразило шеперь Ишаліянку такъ, какъ бы то случилось за мѣсяцъ прежде.

— „Такъ ты оставляешь Г. Сервена?“ спросила она.

„Или вы не примѣчаете, Джиневра, что, съ нѣкопорого времени, только я и вы остаемся здѣсь? . . .“

— „Это правда! . . .“ отвѣчала Джиневра, пораженная вдругъ какъ будто воспоминаніемъ... „Что это значишь?.. эти барышни ужъ не больны ли?.. или не выходятъ ли замужъ?.. или ихъ опцы не сдѣлались ли всѣ Перами? . . .“

„Онѣ всѣ оставили Г. Сервена“ — отвѣчала Лора.

— „Оставили? . . . Да отъ чего? . . .“

„Отъ васъ, Джиневра! . . .“

— „Отъ меня! . . .“ вскричала Ишаліянка, вставая, съ грознымъ лицомъ, съ надменнымъ видомъ и съ сверкающими глазами.

„Ахъ! не сердись, ради Бога, моя добрая Джиневра!“ — вскричала болѣзненно Лора. — „Но маминька хочешь такъ

же, чшобъ и я покинула масперскую. Всѣ эщи дѣвушки говорили, что у васъ ешь любовникъ, что Г. Сервень дозволяетъ ему бышь здѣсь въ черномъ чуланѣ... Я никакъ этому не вѣрила и ничего не говорила маминькѣ. Но вчера вечеромъ, Госпожа Планша встрѣсилась съ нею на балѣ и спросила у ней, продолжаетъ ли она посылать меня сюда. Маминька ошвѣчала ушвердительно; и шогда она повторила ей всѣ клеветы эшихъ дѣвушекъ. Маминька меня очень журила: она думала, что я знала все и, не имѣя довѣренности къ ней, скрыла. Ахъ, моя милая Джиневра! я всегда брала васъ за образецъ себѣ и ничего болѣе не желала, какъ походить на васъ! . . . О! какъ мнѣ больно, что я не могу бышь вашею подругою! . . . Но смотрите! завшра Госпожа Планша и маминька прѣдущъ къ Г. Сервеню съ выговорами.“ —

Громъ, упавшій въ двухъ шагахъ ошъ Джиневры, менѣ бы изумилъ ее, чѣмъ эшо ошкрытіе.

— „Да что имъ за дѣло до эшого?“ сказала она со всѣмъ простодушіемъ невинности.

„Всѣ находятъ, что это очень дурно. Маминька говоритъ, что это прошивъ всѣхъ правилъ нравственности.“

— „А ты, Лора, какъ объ этомъ думаешь . . . ты сама? . . .“

Дѣвочка посмотрѣла на Джиневру. Ихъ мысли слились. Лора не могла удержавъ слезъ своихъ, бросилась на шею своей подругѣ и обняла ее.

Въ эту минуту Г. Сервень вошелъ.

„Джиневра!“ — вскричалъ онъ съ энтузіазмомъ: — „я кончилъ свою картину! . . . Ее кроютъ ужь лакомъ! . . . Но что здѣсь такое! . . . кажется, барышни изволятъ праздновать вакацію, или разѣхались по деревнямъ?“

Лора осушила немедленно свои слезы, поклонилась Г. Сервеню и ушла.

— „Волѣ уже при дни, какъ мастерская пуста . . .“ сказала Джиневра. Дѣвушки не воротясь.“

„Э!“ . . .

— „Да не смѣйшесь!“ перервала Джиневра: „а выслушайте меня. Я невольною причиною потери вашей репутаціи. . .“

Художникъ засмѣялся и прервалъ свою ученицу:

„Моей репутаціи! черезъ нѣсколь-
ко дней картина будешь выставлена!“

— „Дѣло идешь не о талантъ ва-
шемъ“ — продолжала Италіянка. „Эти
дѣвушки разславили, что Г. Людовикъ
здѣсь запершъ, что онъ меня любитъ,
что вы это знаете и что вы помогае-
те нашей . . . нашей . . . любви. . .“

„Такъ чтожь! Тупъ, кажешься не со-
вѣстъ нѣтъ правды“ — отвѣчала учитель.

Джиневра покраснѣла.

„Матери эшихъ дѣвчонокъ дуры“
продолжалъ онъ. „Если бъ онъ пріѣхали ко
мнѣ, шакъ бы все дѣло объяснилось. Но —
спану я объ эшомъ заботишься? . . . Жизнь
шакъ корошка!“ —

И онъ щелкнулъ громко пальцами
надъ своей головой.

Людовикъ, который слышалъ нѣ-
сколько изъ эшого разговора, прибѣжалъ
немедленно.

„Вы теряете всѣхъ вашихъ уче-
ницъ? . . .“ вскричалъ онъ: „и я дол-
женъ раззорить васъ?“

Художникъ взялъ руку Людовика и
Джиневры и соединилъ ихъ.

„Вѣдь вы женишься, мои любезные дѣши?..“ спросилъ онъ ихъ съ проташельнымъ добродушіемъ.

Оба опустили глаза въ низъ; и это молчаніе было первымъ признаніемъ, которое они сдѣлали другъ другу.

„Очень хорошо!“ продолжалъ Сервень; „и вы будете счастливы — не правда ли? Чпожь можешь заплашишь за удовольствіе быть виною счастья двухъ существъ, такихъ какъ вы?..“

— „Я богата!..“ сказала Джиневра; „и вы позволите мнѣ вознаградить васъ“..

„Вознаградить!“ вскричалъ Г. Сервень. „Да какъ скоро узнаюшь, что я сдѣлался жертвою слуховъ, распущенныхъ этими дурами — что я скрывалъ у себя изгнанника — то всѣ Парижскіе либералы пришлюшь ко мнѣ своихъ дочерей. Тогда можешь быть я еще останусь въ долгу у васъ...“

Людовикъ взялъ руку своего покровителя, не могши произнести ни слова. Наконецъ онъ сказалъ умилившимся голосомъ:

„И такъ я обязанъ вамъ моею Джиневрою и всѣмъ моимъ блаженствомъ!..“

„Будьте счастливы!..“ сказалъ живописецъ съ комическимъ вдохновеніемъ, возлагая руки на головы обоихъ любовниковъ... „я васъ соединяю!..“

Эта шушка художника положила конецъ ихъ умиленію. Они всѣ прое посмотрѣли другъ на друга съ улыбкою; ибо всѣ прое были полны сердечнаго одушевленія.

Италіянка сжала руку Людовика съ силою и простотою, достойною ея родины.

Это была одна изъ тѣхъ торжественныхъ минутъ, коихъ память завыщавается вѣчносши.

„Такъ, дѣши мои! пакъ...“ сказалъ опять живописецъ... „вы думаете что все ужъ и кончилось, какъ не лзя лучше?... А вѣдь вы обманываетесь...“

Оба любовника посмотрѣли на него съ изумленіемъ.

„Не безпокойтеоъ“ продолжалъ онъ: „меня одного только ваши проказы приводятъ въ нѣкоторое замѣшательство! Госпожа Сервень держитсѣ немного спарины; и я право не знаю, какъ намъ будетъ съ нею сдѣлаться...“

— „Ахъ Боже мой!“ вскричала Джиневра: „я и позабыла, что Госпожа Планте и мать Лоры завтра прїѣдутъ къ вамъ. . .“

„Пускай ихъ ѣдутъ!“ перервалъ живописецъ.

— „Но вы можете себя оправдать предъ ними!“ продолжала она, подымая голову съ выраженіемъ благородной гордости. „Г. Людовикъ!“ примолвила она, обращаясь къ нему и смотря на него съ значительною улыбкою — „не будетъ болѣе вмѣшъ отвращенія къ Королевскому правленію.“ . .

Людовикъ также улыбнулся.

— „И такъ“ — продолжала она — „завтра поутру я посылаю прозъбу къ одному изъ самыхъ важныхъ лицъ въ Военномъ Министерствѣ — къ человеку, который не можетъ отказать ни въ чемъ дочери Барона ди Піомбо. Мы получимъ тайное прощенье для Капитана Людовика! . . А вы“ — примолвила она обращаясь къ Г. Сервеню — „вы можете тогда прислать мапушекъ моихъ доброжелательныхъ подругъ, сказавъ имъ истину!“ —

„Вы сущій Ангелъ!“ вскричалъ Г.
Сервень.

Эта сцена рѣшила судьбу Джиневры.

(продолженіе слѣдуетъ)

VI

ПРОКАЖЕННЫЙ.

ДУМА.

Народъ зоветъ его безумнымъ, прокаженнымъ,
Но умъ его покрытъ таинственною мглой;
Въ немъ старецъ опытный, съ младенцемъ ош-
кровеннымъ,
Граничашъ въ жизни межъ собой!

Въ издранномъ рубищѣ, какъ пруженикъ убогій,
Я зрѣлъ, какъ онъ спѣшилъ къ играющимъ пшеницамъ;
Какъ мрачно онъ взиралъ на пышные чертоги
И радостно на Божій храмъ!

Онъ взоры отворачивалъ, встрѣчаясь съ преступнымъ,
Какъ будто бы мысль его мгновенно онъ проникъ:
И человечеству казался недоступнымъ
Его двусмысленный языкъ!

На страждующую чернь, чего-то содрогаясь,
Съ тупымъ внимаѣемъ какъ часто онъ глядѣлъ!
На харшю судьбъ, какъ будто опираясь,
Онъ что-то высказашъ хоѣлъ!

Съ молишвою въ устахъ, въ движеньяхъ изступ-
ленныхъ,
Для нищей братіи онъ милосынь молилъ,
И страждущихъ сиротъ и вдовъ изнеможенныхъ,
Рукой изсохшею крестилъ!

И твердый какъ скала, прошивъ ударомъ грома,
Безропотно носилъ спрадальческій вѣнецъ:
Скишаясь по свѣшу, безъ кровныхъ и безъ дома,
Казалось, былъ живой мертвецъ!

Я самъ внималъ ему, когда онъ безъ боязни
Злодѣю сильному паденье предрекалъ:
Я зрѣлъ его, какъ онъ на спрашномъ мѣстѣ казни
За осужденнаго спрадалъ!

Какъ жадно онъ внималъ напѣвамъ погребальнымъ,
И смерть благословлялъ, какъ грань земной борьбы,
Объявляя простиралъ къ развалинамъ печальнымъ,
Онъ самъ — развалина судьбы!

Таинственный глаголь, чувствъ праведныхъ из-
бытокъ,
Какъ цѣпи узника, томили старика:
И щещно передъ нимъ развертывала свихокъ
Временъ маститая рука!

Миръ праху швоему ! Всевышняго избранникъ ,
 Предвѣднѣй твоихъ никто не оцѣнилъ !
 Лишь я молодой пѣвецъ, родной земли изгнанникъ,
 Твой подвигъ думою почтилъ !

А. Б—въ.

СВОЙСТВО И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗАРАЗЪ ВОООЩЕ
 И ВЪ ОСОБЕННОСТИ ХОЛЕРЫ.

(продолженіе)

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ
 ЗАРАЗО - ПРИЛИПЧИВОСТЕЙ.

(protogenesis myasmatum et contagiorum)

Исторія всѣхъ временъ и народовъ
 свидѣтельствуетъ , что заразы и про-
 изведенія ихъ — заразительныя болѣз-
 ни — начались вмѣстѣ съ родомъ человѣ-
 ческимъ и съ соединеніемъ его въ обще-
 жительное состояніе. Впрочемъ утверж-
 даешь , что причиною зла сего была
 первозданный человекъ , отъ котораго
 оно перешло къ его потомству , и про-
 должаешь непрерывно переходить да-

же до сего дня, не только нелѣпо и смѣшно, но и несообразно со словами Священнаго Писанія, въ которомъ *Адамъ* представляется намъ, какъ образецъ физическаго и нравственнаго совершенства. Заразительныя болѣзни, по свидѣтельству того же Св. Писанія, появились съ тѣхъ поръ, какъ люди, забывъ законъ Бога и природы, начали вести жизнь развращенную и неумѣренную. Гдѣ же жили сіи люди? Въ жаркихъ странахъ свѣта.

Дѣйствительно, первоначальное общество большей части заразъ и прилипчивостей — составляютъ жаркія страны земнаго шара; и это весьма естественное; ибо разрушеніе и возобновленіе — эти врага, чрезъ которыя поспешенно проходитъ органическое вещество живыхъ тварей, нигдѣ такъ быстро одно за другимъ не слѣдуютъ, какъ въ странахъ знойныхъ. Тамъ смерть многообразна; жизнь находится въ высочайшей степени своего развитія, и проявляется въ безчисленныхъ и разнообразныхъ формахъ: тамъ разрушеніе однихъ тѣлъ вознаграждается непрерывнымъ рожденіемъ другихъ; поелику

родившіяся существа находящъ повсюду для себя пищу въ чрезвычайномъ изобиліи. Въ самомъ дѣлѣ, изобиліе питательнаго вещества въ жаркихъ странахъ есть главная причина, возбуждающая всѣ зародыши развиваться, возрастать и производить новыя себѣ подобныя существа.

И такъ, если жаркія страны земнаго шара суть неиспощимые источники жизни, и средоточія всѣхъ условий, необходимыхъ для ея проявленія, то легко можно убѣдиться, что страны сіи превосходятъ прочія и въ первоначальномъ развитіи заразо-прилипчивостей. Такимъ образомъ Абиссинія, Египція, Аравія, Египетъ и Индія искони считаются опечесствомъ оспы, кори, венерической болѣзни, проказы, чумы, холеры и пр. Болѣзни сіи или непрерывно господствуютъ въ сихъ странахъ, или, уничтожившись на короткое время, снова появляются.

Въ умѣренныхъ странахъ свѣта, процессъ разрушенія и возобновленія живыхъ тварей находится въ прямомъ содержаніи съ жизненными условіями, содѣйствующими ихъ развитію или раз-

рушенію. Вообще умѣренные климаты менѣе благопріятствуютъ образованію заразо-прилипчивостей, нежели страны знойныя; и потому въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта, лежащихъ подъ одними градусами широты, мы не знаемъ никакихъ другихъ первоначальныхъ заразъ, кроме заразы скарлатинной, горячечно-гнилой и чесотной.

Страны сѣверныя, холодныя и близкія къ полюсамъ, еще менѣе, нежели умѣренныя, благопріятствуютъ первоначальному образованію заразъ и прилипчивостей. Изъ заразъ, такъ называемыхъ *совершенныхъ*, не извѣстно ни одной, которая бы тамъ получила первоначальное развитіе. Заразы же, зашедшія туда случайно изъ первоначальнаго своего ошечества, не бывають слишкомъ злокачественны и уничтожаются очень скоро. Причина очевидна: холодныя страны лишены важнѣйшихъ жизненныхъ условий — цѣлесообразнаго вещества, надлежащей теплоты, свѣта, электричества. Это суть средоточія почти непрерывнаго сна, оцѣпенѣнія и смерти. Органическія швари тамъ только распушъ, а не живутъ, и по-

елику они подъ небомъ суровымъ и скучнымъ не находятъ для себя изобильной пищи, но и размноженіе ихъ въ сихъ мѣстахъ бываетъ весьма малое. Вотъ причина, почему заразительныя и прилипчивыя суцества, развивающіяся и размножающіяся только тамъ, гдѣ сосредоточиваются всѣ вещественныя и невещественныя предпавишели жизни, не могутъ ни образоваться, ни размножаться въ странахъ холодныхъ.

(продолженіе слѣдуетъ)

VI.

ПАМЯТИ ВОРТИАНСКАГО.

Тогда какъ идолъ суеты
 Съ молодыхъ цѣлцовъ собираетъ дани,
 И за безплодныя мечты
 Сулитъ имъ громъ рукоплесканій;
 Твой Геній избралъ путь иной:
 Шипомъ молитвы острый,
 Для неба небомъ вдохновенный,
 Онъ позабылъ вѣнецъ земной;
 И струны крошкія звучали
 Во славу Бога и Святыхъ,
 И херувимы имъ внимали
 Съ небесъ неслынно-голубыхъ!

Тригунный.

VII

БИБЛИОГРАФІЯ.

— СТРАННИКЪ. *Созиненіе А. Вельтмана. Часть I. Москва, въ Типогр. С. Селивановскаго, 1831.* Чудеса, да и шолько! Говорятъ, что нашъ вѣкъ шагаетъ исполински; что просвѣщеніе растетъ теперь не по днямъ, а по часамъ; и что въ настоящія времена, особенно въ литературѣ, *вчера* слишкомъ уже старо для *нынѣ*. И вотъ наши словесники и писатели, боясь оспасться назадъ, пускаются во весь опоръ, и, понукаемые, сколько собственною отвагою, столькожъ, или еще болѣе, шумными взывами литературныхъ крикуновъ, сломя голову, несутся,

Скокомъ, лешомъ, по долинамъ,
По горамъ и по стремнинамъ,

безъ намѣренія и цѣли, безъ пути и дороги, куда глаза глядятъ. Но — далеко ли они уносятся? Если послѣдить за ними внимательпо, то окажется, что эти рьяные бѣгуны только что рвутся и мечутся, а въ самомъ дѣлѣ — ни съ мѣста. Какая-то непреодолимая сила отбрасываетъ ихъ безпрестанно назадъ — къ той блаженной старинѣ, отъ которой они бѣгутъ такъ стремительно. Такъ весеннія мошки толкуются, толкуются — а все надъ одной и той же гнилью, изъ которой образуется эфемерное бытіе ихъ!..

Сии мысли, приходящія невольно въ голову при обзорѣ нашей современной нашей словесности, находятъ для себя новое подтвержденіе въ книж-

хъ, которая у насъ теперь передъ глазами. *Странникъ Г. Вельмана* есть родъ дневника мыслей и чувствованій, веденнаго сочинителемъ во время путешествія или прогулки по Бессарабіи. Такіе дневники въ нашей литературѣ не новость: и южный край Россіи былъ издавна любимою странною, куда многіе пилигримы, какъ будто по общанью, вживали свои думы и мечты, грезы и слезы. И такъ новый странникъ нашъ ѣхалъ по слѣдамъ уже истоптаннымъ. Плащъ день общей потребности вѣка, онъ не хотѣлъ однако держаться старой колеи, пробитой его предшественниками: и его дорожный журналъ, съ перваго взгляда, шоль же далеко оставляетъ за собой *чувствительное путешествие* любезнаго Издашеля *Дамскаго Журнала*, сколько трансцендентальныя мистификаціи *Московского Телеграфа* кажутся перешагнувшими философическую статью *о кофе*. *Чувствительный путешественникъ* брелъ медленно по цвѣтушимъ берегамъ Днѣпра, съ Аркадскою нѣжностью къ прелестной Украинской природѣ, засматриваясь на каждую незабудочку, заслушиваясь cadaго кузнечика, заигрываясь съ каждымъ мотылькомъ, съ каждою букашкою. Нашъ *странникъ*, напротивъ, летитъ какъ будто наковрѣ самолетъ, или, говоря собственными его словами:

Какъ шаръ катится по бильярду,
и при томъ такъ, что очень часто
нелегкій чортъ

Его выкидывалъ за борть! (2)

Онъ не любитъ останавливаться нигдѣ; катается безъ устали по всѣмъ по шремъ; и ежели иногда даетъ себѣ передышку, то развѣ только для то-

го, чтобы наполнить *утреннимъ кофеємъ*, не *желудокъ*, а *душу* (6) и произвести *ужасное наводненіе въ Испаніи и Франціи*, опрокинувъ *стаканъ съ водою на карту* (27). Явно отсюда, что онъ относитъ къ *чувствительному путешественнику* точно также, какъ *рьяный романтизмъ* къ *смирненному классицизму*. Кажется — чтобы могло быть несходство?.. Но ежели вникнуть внимательнѣе въ сіи два явленія страннической нашей словесности, то между ними, не смотря на видимое различіе, окажется внутреннее, существенное сходство. Оба онѣ суть произведенія литературной шаловливости, коей соблазнительный примѣръ первоначально былъ поданъ *Йорикомъ*. Ихъ содержаніе составляютъ не *странствованія*, какъ бы надлежало ожидать по ихъ названію, а *странничанья* юродствующаго воображенія. Вся разница между ними состоитъ только въ томъ, что *чувствительный путешественникъ* юродствовалъ чувствованіями, а *странникъ* юродствуетъ мыслями; тамъ жолобродило сердце, здѣсь — голова; и — только! Слѣдствіе обоихъ *странствій* одно и то же, такъ что прочитавши и то и другое, невольно скажешь словами послѣдняго:

Богъ наказалъ меня за что-то!

Такая скука и зѣвота,

Такая грусть, что мочи нѣтъ!

Что не родился бы на свѣтъ! (117)

Но *чувствительное путешествіе* въ свое время было очень ксшапи — въ то блаженное время простоты и невинности, когда одною перловою слезою выплакивался душистый вѣнокъ изъ калуфера и мяты. Ксшапили теиерь *странники*? Нѣтъ со-

миїнія, что нашъ вѣкъ любить мечты залетныя, рьяность необузданную. *Странникъ* можешь похвалиться сими преимуществами: ибо онъ есть высочайшій образецъ диѳирамба въ прозѣ. Въ немъ нѣтъ ни порядка, ни связи, ни цѣлости: разнороднѣйшія понятія, разноцвѣтнѣйшіе образы, сцѣпляются и разцѣпляются, другъ съ другомъ безпрестанно, какъ въ калейдоскопѣ. Воображеніе странствователя не знаетъ никакихъ предѣловъ: оно переходитъ съ быстротою молніи отъ *Молдавана Николая Поповита* къ *дѣвушкѣ Скудери* (32), отъ *Арины Макарьевны* къ *Сафо* (11), отъ *Гвариноса* къ *Кромвелю* (117) и т. д. Вздумай читатель поотсѣпать при такихъ сверх-Суворовскихъ переходахъ: *странникъ*, безъ всякихъ околѣностей, по обязанности своей, для общаго порядка вещей, беретъ его поперегъ, и какъ орелъ агнца — (такъ по крайней мѣрѣ выражается онъ самъ!) — несетъ его (30), куда хочетъ. Такія воздушныя путешествія могутъ конечно правиться охотниками: но много ли ихъ найдется даже и между нынѣшнимъ поколѣніемъ? Сверхъ того, иной агнецъ не будетъ ли слишкомъ тяжелъ для орла съ такими перьями? Нынѣшній вѣкъ есть вмѣстѣ вѣкъ назойливаго любопытства. Самъ же *странникъ* говоритъ, что „*всякій ученый* — (а мы думаемъ и не ученый) — путешественникъ обязанъ умно и подробно отвѣчать на вопросы о той землѣ, которую онъ измѣрля разтвореніемъ ногъ своихъ“ (57). Что, ежели нѣкоторые изъ агнцевъ, прежде нежели допустятъ ему взять себя поперегъ, обхватаютъ его подобными вопросами? Унесетъ ли онъ тогда самъ свои ноги? . . . Воля его

странника — а намъ простымъ домохозяевамъ слишкомъ уже *странно* кажется, что онъ ѣздитъ такъ далеко для того, чтобы пріѣхавши поговорить печально — въ свое удовольствіе . . . о томъ, о семъ . . . и ровно ни о чемъ! . . .

Странность сія тѣмъ прискорбѣе, что въ *странствователяхъ* иногда обнаруживается способность говорить дѣльно, остроумно и занимательно. Такъ и. п. не лѣзя безъ удовольствія прочитавъ слѣдующее замѣчаніе: „исторію провинціи, и провинціи, подобной Бессарабіи, также трудно писать, какъ исторію пальца, найденнаго послѣ сраженія. При всѣхъ затрудненіяхъ, всѣ изысканія будутъ состоять единственно въ слѣдующемъ: по всему видимому палецъ великъ и хорошъ; хопя упругость и твердость его отъ безжизненности совершенно исчезли. По сравненіямъ преданій: Страбона, Тита Ливія, Квинта Курція, Амміана Марцеллина, подобный палецъ принадлежалъ къ лѣвой рукѣ Апшилы и былъ онъ палецъ безименный; основываясь же на Греческихъ писателяхъ.“ — (но и Страбонъ былъ также Грекъ!) — „онъ принадлежалъ во второмъ вѣкѣ Децебалу, и, будучи мизинцемъ, былъ на работахъ вала, разделяющаго Мизию отъ Певциніи“ (56, 59). Замѣчательна также и эта юмористическая выходка: „бѣдный міръ! какъ все старо въ тебѣ! сколько лѣтъ солнце волочится за землею! вотъ Платоническая любовь! вотъ постоянство! — Что, если на старости лѣтъ земля свихнется съ истиннаго пути? — Пропало человечество отъ огненныхъ обаяній солнца!“ (24). Но особенное вниманіе заслуживаетъ *Эскандеръ* (101-112), родъ восточ-

ной, кассиды, дышущей истинною свѣжестію утренняго неба. Жаль только, что этотъ прекрасный цвѣтокъ брошенъ былъ въ пустой огороде *Московского Телеграфа*!

По названію I части, данному сей книжкѣ, и по отрывкамъ, напечатаннымъ въ *Денникѣ* на нынѣшній годъ, видно, что *Странникъ* имѣетъ IIю часпѣ. Въ заключеніи сей I части сочинитель говоритъ, или, какъ гласятъ собственныя его слова, „объявляетъ торжественно и всенародно, что до тѣхъ поръ, покуда подъ знаменами его не будетъ счееномъ 35 тысячъ читателей и покуда онъ не угоститъ воображеніе ихъ, на поляхъ манускрипта II тома, чуднымъ обѣдомъ (?), предъ коимъ всѣ обѣды, данныя Юліемъ Цесаремъ Римскому народу (!), ни что иное были, какъ легкая закуска послѣ рюмки водки, до тѣхъ поръ — онъ ни шагу съ мѣста для новыхъ завоеваній на поприщѣ Руской литературы“ (141). Любя полакомиться, мы охотно желаемъ ему исполненія желаній: но между тѣмъ чистосердечно признаемся, что если онъ во II своей части не положитъ, благоразумною умѣренностію, *храненія устамъ своимъ*, то едва ли не выдепъ, что сіи новыя завоеванія, о копорыхъ онъ шутя замышляетъ — говоря словами эпиграфа, заимствованнаго для I части *странника*, изъ оной II части —

Смиренно *сойдутся* на нѣтъ!

— ХРИСТИАНА ЛОДЕРА ОВЪ ЭПИДЕМІИ ХОЛЕРЫ въ Москвѣ. *Письмо отъ 14 Ноября 1830 года къ Г. Тайному Совѣтнику, Лейб-Медику и Кавалеру Штоффрегену въ С. П. Бургѣ. Съ Нѣмецкаго перевелъ Н. Топоровъ, М. Д. Москва, въ Унив. Типогр., 1831.* — КРАТКОЕ НАСТАВЛЕНІЕ О ХОЛЕРѢ

и способъ, какъ предохранять себя отъ оной, какъ излѣчивать ее и какъ останавливать распространеніе оной, *Матвій Мудрова. Новое дополненное изданіе. Москва, въ Унив. Типогр., 1831.* — Холера бросила яблоко раздора между нашими врачами, и мирное святилище Эскулапа сдѣлалось позорищемъ распри между двумя партіями, кои преслѣдуютъ другъ друга съ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ саму холеру. Общее мнѣніе признавало донныя *Лодера* и *Мудрова* корифеями сихъ двухъ враждебныхъ партій. Книжка *Г. Мудрова* вышла давно; и его мнѣніе давно уже получило чрезъ нее всенародную извѣстность и опредѣленную положительность. Но образъ-мыслей *Г. Лодера* долго составлялъ шайну устныхъ преданій, которая не давно довѣрена печати и сдѣлалась неотъемлемою собственностію публики.

I.

Письмо, въ которомъ *Г. Лодеръ* обнаружилъ наконецъ себя предъ публикой, напоминаетъ невольню о книжкѣ *Г. Рейса*, подавшей нѣкогда первый соблазнительный поводъ къ холерической полемикѣ. *Г. Лодеръ* объявилъ тогда себя гонимымъ мнѣніи *Г. Рейса*; но, не смотря на сіи отношенія, между произведеніями того и другаго, при всей ихъ противности, есть что-то общее, какое-то таинственное единство.

Въ ученіи *Г. Рейсса*, холера и хлоръ представлены злымъ и добрымъ началами, какъ Ариманъ и Ормуздъ въ Зенд-Авестѣ. Допуская возможность неограниченнаго распространения злаго дѣла, производящаго холеру, *Г. Рейссъ* приписываетъ безусловную доброту хлору, говоритъ, что

онъ даже не можетъ быть ядомъ для насъ (!?), и предписываетъ точное употребленіе онаго, какъ единственный способъ отвращенія и истребленія холеры. *Токмостъ* сія такова, какова была бы точность діашы, еслибъ больному не давать ни-того ни ѣсть, ни пить; ибо, по мнѣнію *Г. Рейсса*, вѣдowało-бы все курить и мыть хлоромъ, носить его съ собою *вездѣ* и *всегда*; осязать его, обонять, дышать имъ, напаять имъ кровь свою; словомъ — жить хлоромъ. Особенно опасными почиталъ онъ *деньги*, какъ *главное* средство заразы; и, для прошивудѣшпвія ссй немзбѣжной опасности, придумалъ *хлоровые кошельки и бумажники*.

Столь неумѣренное и только на *возможности*, а не на *дѣйствительности* основанное *употребленіе хлора*, опровергли Московскіе врачи; какъ наблюденіями надъ другими, такъ и надъ самими собой. Кто н. п. изъ нихъ опасался монеты; кто носилъ хлоровые бумажники? Однакожь всѣ почти, слава Богу, остались живы и въ такомъ добромъ здоровьи, какого бы можно было пожелать хотя бѣ половинѣ ихъ паціентовъ. Но изъ всѣхъ Медиковъ *наиболѣе* возсталъ на *Г. Рейсса* *Г. Лейб-Медикъ Лодеръ*. Чипавшіе *Вѣдомости о состояніи Москвы* знаютъ рѣзкое возраженіе его; едѣ онъ утверждалъ, что холера не *заразительна*, что *окурка хлоромъ не нужна*, что *Г. Рейссъ не видывалъ холериковъ*, а онъ видѣлъ, что . . . и пр. Симъ возраженіемъ онъ угодилъ тогда *весьма многимъ Москвичамъ*, особенно купечеству и фабрикантамъ. Только многіе не одобряли *обиднаго тона и недостойныхъ выходокъ объ окуркѣ мышей и таракановъ*.

Привыкнувъ въ особѣ маститаго *Лодера* видѣть самый опытъ, мы полагали, что такое рѣшительное мнѣніе о незаразительности холеры онъ основалъ на доказательствахъ непреложныхъ, и съ нетерпѣніемъ ожидали книги (пусть же обещанной), гдѣ онъ хотѣлъ представить объясненія и доказательства; ибо увѣрены были, что *Г. Лодеръ* — какъ знаменитый Анатомикъ, жертвующій собою добровольно въ пользу науки — первый пощипется самъ и возбудишь другихъ къ анатомическому и химическому изслѣдованію шруповъ, пораженныхъ холерою.

Книжка сія наконецъ явилась; но мы не нашли въ ней вожаденныхъ доказательствъ. *Г. Лодеръ* какъ будто возпамѣрился, не отставая отъ прежняго мнѣнія, придерживаясь и противоположнаго. Въ два мѣсяца онъ дважды мѣнялъ свой образъ мыслей. Съ самаго начала, какъ видно изъ книжки (с. 45), онъ почелъ холеру столь заразительною, что прошивился трупоразяжію; потомъ въ спашь на *Г. Рейсса* онъ сталъ горою за ея незаразительность; а теперь, въ письмѣ его, холера и заразительна и не заразительна. Не даромъ *Стверная Птела*, разбирая сіе письмо, назвала *Г. Лодера* представителемъ *Московскихъ врагѣй*: всѣ разнородныя и несогласныя мнѣнія ихъ представлены въ немъ, какъ мнѣніе одного человѣка.

Г. Лодера не лзя теперь упрекнуть въ односторонности; но за то отъ чрезмѣрной многосторонности мнѣнія, письмо его весьма неясно, сбивчиво, противорѣчиво. Вотъ нѣсколько примѣровъ, въ оправданіе нашего обвиненія; мы пред-

лагаемъ ихъ въ видѣ *вопросовъ*, на которые *отвѣты* взяты изъ книжки *Г. Лодера*:

В. Какимъ образомъ занесена въ Москву холера?

— О. „Это при всѣхъ доселѣ извѣстныхъ изысканіяхъ, съ *точностію* еще неопредѣлено“ (с. 4).

Б. Точно ли такъ?

— О. „*Утвердительно* сказать можно, что она занесена въ Москву *людьми*, ею зараженными“ (та же стр.).

В. И это доказано вѣрными изслѣдованіями, сдѣланными въ Москвѣ?

— О. Нѣтъ! — „Это доказывается перенесеніемъ холеры изъ Астрахани въ Саратовъ и спасеніемъ Сарепты чрезъ воспрещеніе приставать къ ней баркамъ изъ Астрахани и останавливаться извозчикамъ, съ Нижегородской ярмарки, гдѣ въ послѣдствіи оказалась холера“ (с. 5.).

В. Посему строгія карантинныя мѣры необходимы?

— О. „Очевидно, сколь необходимы и спасительны мѣры, принятыя мудрымъ правительствомъ при первомъ появленіи болѣзни, для воспрепятствованія ея распространенію. Скорому принятію строгихъ мѣръ и въ здѣшней столицѣ должно приписать слабое дѣйствіе холеры“ (с. 5.).

В. Но въ Москвѣ товаровъ не окуривали?

— О. „Товары, привозимые изъ мѣстъ, гдѣ свирѣпствовала холера, совершенно достаточно нѣсколько дней просто вровѣтривать, не окуривая ихъ сначала; ибо нѣтъ ни одного убѣдитель-

наго примѣра, что бы холера могла приставать къ товарамъ“ (с. 16).

В. Если нѣтъ примѣровъ, то не льзя ли сказать, что она совсѣмъ не пристааетъ къ товарамъ, и не лучше ли вовсе ихъ не задерживать въ карантинахъ?

— О. „Такъ какъ холера никоимъ образомъ не распространяется чрезъ товары или другія какія-либо вещи, а... можетъ сообщаться чрезъ посредство людей; то совершенно не нужно задерживать товары въ карантинахъ и окуривать оныя; равно письма, отправляемыя по почтѣ въ другія мѣста. Чтожъ касается до людей, то караншины и оцѣпленія могутъ быть полезны, при чемъ однакожъ не должно задерживать болѣе недѣли“ (с. 16).

В. И такъ люди передаютъ холеру, а къ вещамъ она не пристааетъ?

— О. „Наполненный заразою воздухъ при больныхъ, страдающихъ холерою, можетъ пристать къ плащю, особенно шерстяному, также къ шубамъ и постѣлямъ, и заражать въ продолженіе нѣкотораго времени и другихъ людей; между тѣмъ какъ сами, носящіе таковое плаще, не заражаются“ (с. 14).

В. По этому надобно окуривать вещи, при больныхъ бывшія?

— О. Хотя (с. 9 и 14) показано множество примѣровъ неособенія холеры вещами; однако „благоразуміе и предосторожность требуютъ комнаты, гдѣ лежали больные, окуривать 3 или 4 дня хлоромъ и провѣтривать“ (с. 15).

В. Стало бытъ хлоръ истребляетъ холерную заразу несомнѣнно?

— О. „Много было примѣровъ, что люди, сидѣвшіе въ хлоровыхъ парахъ, не избежали дѣйствія холеры: холера проходила и въ запертой наполненной (10 дней) хлоромъ покой“ (с. 17).

Оканчиваемъ распросы сіи слѣдующими словами *Г. Лодера*: „желательно только, чтобы изъ вскрывшя труповъ не издумали выводить заключеній относительно *Патологін*, и въ особенности *Терапін* холеры“ (с. 46). Узнать, что такъ думаетъ знаменитѣйшій *Анатомикъ*, очень любопытно. (М. Максимовичъ).

II.

Надъ первымъ изданіемъ книжки *Г. Мудрова* много глумились *Телеграфъ* и *Пчела*. Особенно первый, присвоивъ себѣ право раздавать врачамъ паценты на безсмертіе, исключилъ имя *Г. Мудрова* изъ почетнаго списка, въ коемъ имя *Г. Лодера* стоитъ первымъ. Спрашивается, за что такая немилость? *Г. Лодеръ*, въ письмѣ своемъ, мыслить совершенно одинаково, и даже не рѣдко выражается почти одними словами съ *Г. Мудровымъ*. Вотъ нѣсколько очевидныхъ примѣровъ:

Мудровъ

— „Холера есть болѣзнь *паносная*“ (с. 7).

— „Не лзя отвергать *мнѣ* предосторожности, обходимыя и спасительныя *мнѣ* для карантинныхъ назначеній“ (с. 7).

Лодеръ

— „Холера занесена въ Москву людьми, ею зараженными“ (с. 4).

— „Очевидно, сколь *мнѣ* необходимо, принявъ мудрыя *мнѣ* предосторожности для досредствствованія распространенію холеры“ (с. 6).

— „Холера менѣ при-
личива, чѣмъ восточная
чума“ (с. 7).

— „Холера не въ такой
степени заразительна, какъ
чума“ (с. 13).

— „Окуривать въ про-
долженіе нѣсколькихъ ча-
совъ сомнительныя платья
и вещи“ (с. 14).

— „Благоразуміе и предо-
сторожность пребываютъ оку-
ривать укусомъ и провѣш-
ивать постели и платья
послѣ справдавшихъ и умер-
шихъ холерою“ (с. 15).

— „Въ комнахъ и из-
бахъ, гдѣ лежатъ больные
холерою, опрыскивать
полы и стѣны, сдѣланнымъ
изъ холодной водѣ, ошесто-
еннымъ растворомъ хло-
ридной извести, или ку-
ришь извѣстнымъ сосца-
вомъ Готона Морво“ (с.
10).

— „Комнашы, гдѣ лежали
больные, окуривать въ про-
долженіе трехъ или четы-
рехъ дней по способу Го-
тона Морво или хлоровою
извѣстью; стѣны выш-
ираць или перекрашивать,
полы же нѣсколько разъ вы-
мывать укусомъ или рас-
творомъ хлоровой извес-
ти“ (с. 15).

— „Занемогшихъ холе-
рою отдѣлать немедлен-
но отъ здоровыхъ въ осо-
бенную больницу, или от-
дѣльную теплую комнашу,
а домъ оцѣнить, и никого
по освидѣтельствваніи вра-
човъ въ него не
пускать“ (с. 8).

— „Люди, между кони-
ми шеченіе сего времени о-
казались бы хотя сомни-
тельные признаки холе-
ры, должны быть шотчасъ,
по освидѣтельствваніи вра-
човъ, переведены въ ус-
троенный для сего особенный
домъ, и всякое съ ними со-
общеніе строго возбу-
ждается“ (с. 16).

— „Не ходишь босикомъ,
держишь ноги тепло и сухо, мѣры: избѣжаніе просту-
ды и береженье простуды. Не
ды, ошягощеніе желудка и
леть ничего сыраго и о-
употребленіе сырой весьма
хлаждающаго желудокъ и
кислой и неудобоваримой пи-
щи“ (с. 50).

— „Не ходишь босикомъ,
держишь ноги тепло и сухо, мѣры: избѣжаніе просту-
ды и береженье простуды. Не
ды, ошягощеніе желудка и
леть ничего сыраго и о-
употребленіе сырой весьма
хлаждающаго желудокъ и
кислой и неудобоваримой пи-
щи“ (с. 8).

Такое согласіе конечно весьма изумительно
но — *honny soit qui mal' y pense!* (W. Z.)

— КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ХОЛЕРЫ, наставленіе какъ лѣзить сію болѣзнь, какіи мѣры нужно брать во время ея свирѣпствованія и наставленіе для народа, какъ себя предохранять отъ оной. Сочиненное Временнаго Медицинскаго Совѣта Членомъ, М. и Х. Докторомъ А. Полемъ. Москва, въ тип. Семена, 1831. — Книжка сія есть другій экземпляръ книжки Г. Мудрова. Въ ней излагаются тѣ же самыя средства и мѣры противъ холеры. Г. Полю также положительно предписывается „прекратить всякое сообщеніе съ тѣми мѣстами, гдѣ свирѣпствуетъ холера (с. 46), окуривать хлоровыми парами и потомъ провѣтривать избы, въ коихъ находились или умерли больные, холерою одержимые (с. 47), полъ и стѣны въ больницахъ ежедневно опрыскивать нѣсколько разъ хлоровою водою (с. 50), при выпискѣ выздоровѣвшихъ больныхъ изъ больницы, всѣ ихъ пожитки, которые не могутъ быть вымыты окуривать хлоровыми парами (с. 50)“ и т. д.

— OBSERVATIONS FAITES SUR LE CHOLERA MORBUS dans le quartier de la Yakimanka, à Moscou, en 1830, par B. Zoubkof, Naturaliste. Moscou, de l'imprimerie d'Auguste Semen, 1831. (НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ ХОЛЕРОЮ, собранныя въ Якиманской Частн, въ Москвѣ, 1830, В. Зубковымъ, Натуралистомъ. Москва, въ тип. А. Семена, 1831 г.). — Какъ свидѣтельство сугубой внимательности почтеннаго сочинителя къ обязанности, возложенной на него во время общаго бѣдствія, книжка сія заслуживаетъ особенное уваженіе. Г. Зубковъ, бывъ сначала назначенъ Помощникомъ къ Начальствовавшему надъ Якиманскою Часцію во время холеры,

Г. Сенатору Брозину, и получивъ пошомъ въ особенное заведѣваніе и управленіе Ордынскую больницу, открытую въ той же Части, не ограничился одними попеченіями объ устройствѣ и ходѣ внутренняго ему заведенія, но, надъ постелями несчастныхъ жертвъ, для которыхъ оно служило убѣжищемъ, присматривался къ силѣ и дѣйствіямъ болѣзни, ихъ поражающей. Наблюденія свои онъ предсавдываетъ теперь публикѣ ясно, стройно и отчетливо. Онъ очень любопытны, по статистическому снесенію и представленію фактовъ, которые, въ соображеніи съ другими, могутъ служить не маловажными документами для составленія полной исторіи холеры въ Москвѣ и подать поводъ къ значительнымъ выводамъ касательно условій и постепенности распространенія сей болѣзни. По показаніямъ Г. Зубкова, въ Якиманской Части, больныхъ холерою

Поднято на улицахъ	14
Взято изъ домовъ : 1 кварт.	116
2 кварт.	60
3 кварт.	30
4 кварт.	61
5 кварт.	68
6 кварт.	73
И всего	422

Изъ нихъ умерло 263. Первый кварталъ, въ которомъ наиболѣе захварывало, находится между Москвою-рѣкою и канавою, близъ такъ называемой *Болотной Площади*, извѣстной своею сыростью, гдѣ весною вода доликаетъ до окошекъ нижнихъ этажей, осенью не просыхаетъ грязь. Ближай-

ние къ нему числомъ больныхъ, 2 и 6 кварталы, тянувшая по той же самой канавѣ, гнилой и сползающей. Первый больной занемогъ холерою, 20 Сентября, въ домѣ Генерала Герарда, находящемся въ 1 кварталѣ, на берегу канавы. Въ продолженіе многихъ дней захварывали только въ 1 и 2 кварталахъ.

съ 20 Сенш.	по 2 Окш.	было	21 больн.	
— 2 Окш.	— 12 —	—	72 —	
— 12 —	— 22 —	—	103 —	
— 22 —	— 1 Нояб.	—	73 —	
— 1 Нояб.	— 11 —	—	96 —	
— 11 —	— 21 —	—	42 —	
— 21 —	— 31 —	—	13 —	
— 31 —	— 10 Дек.	—	0 —	
— 10 Дек.	— 13 —	—	2 —	

Самое большее число, 18 человекъ, заболѣло 14-го Октября. Уменьшеніе больныхъ началось съ 11-го Ноября. Число захварывающихъ и сила болѣзни увеличивалась въ сырые дни (с. 25—27).

Г. Зубковъ не довольствуется однако простымъ изложеніемъ сихъ фактовъ. Онъ выводитъ изъ нихъ слѣдствіе; и сіе слѣдствіе есть ни болѣе ни менѣе, какъ рѣшительная увѣренность съ безусловной *незаразительности* холеры. Мы не смѣемъ разрушать сей увѣренности, которую почтенный сочинитель умѣлъ приобрѣсть и сохранить посреди всеобщаго унынія и робости. Но позволяемъ себѣ замѣтить, что на опытахъ, собранныхъ въ одномъ небольшемъ уголкѣ, надъ нѣсколькими лицами, нельзя основывать общихъ поло-

женій о свойствѣ болѣзни, коея театръ занимаетъ почти все наше полушаріе. До тѣхъ поръ, пока со всѣхъ сторонъ, гдѣ свирѣпствовала ея сила болѣе или менѣе, не соберутся вѣрные и точныя наблюденія — до тѣхъ поръ, мы, отдавая полную справедливость искренности мнѣнія Г. Зубкова, представляемъ себѣ право не соглашаться на оное вполне и безусловно.

— PENSÉE SUR LE CHOLERA-MORBUS, par E. C. M. Markus. Moscou, de l'imprim. d'Aug. Semen, 1831. (мнѣніе о холерѣ Ф. К. М. Маркуса. Москва, въ тип. А. Семёна, 1831.) — Между защитниками незаразительности холеры, непосредственно за Лодеромъ слѣдуетъ Г. Докторъ Маркусъ. По крайней мѣрѣ въ такомъ порядкѣ они вписаны Телеграфомъ въ разрядную книгу безсмертія.

Не возставая противъ сего порядка, мы обязанностію считаемъ сказать, что изданная имъ книжка представлена въ видѣ болѣе стройномъ и болѣе достойномъ ученаго Медика, чѣмъ сочиненіе масштабнаго Нестора нашей Медицины. Посему пишемъ съ большею внимательностію и подробностію предлагаемъ здѣсь ея разсмотрѣніе.

Г. Маркусъ начинаетъ свою книжку исчисленіемъ припадковъ, замѣчаемыхъ въ холерѣ. Это дѣлано было всѣми врачами, писавшими о сей болѣзни. Мнѣніе его о тождественности Московской холеры съ Индійскою также совсѣмъ не новое. Почему объ одиннадцати первыхъ страницахъ сей книжки, включительно занимающихся симъ предметомъ, говоритъ нечего. Замѣтимъ только, что въ изчисленіи припадковъ не со-

блюдено анатомическаго порядка, т. е. неизчислены и не отнесены припадки къ тѣмъ органамъ тѣла, въ которыхъ они обнаруживаются. Впрочемъ это еще не великая бѣда. Но то достойно истиннаго сожалѣнія, что припадки сіи оцѣнены не по достоинству, и маловажные изъ нихъ названы главными припадками холеры.

Какъ бы то ни было, но мы должны остановиться на *Физиологическомъ и Патологическомъ разборѣ сихъ главныхъ припадковъ Холеры*, который слѣдуешь за ихъ исчисленіемъ.

Предметъ сего разбора, по собственнымъ словамъ Автора, долженъ, *состоять въ опредѣленіи точной силы или значенія (signification, Bedeutung) болѣзненныхъ явленій, коихъ совокупность составляетъ холеру.*

Здѣсь сначала замѣтимъ только то, что холера, суди по смыслу приведенныхъ словъ, опредѣляется Авторомъ, чрезъ совокупность болѣзненныхъ явленій. Но ежели опредѣленіе какого-либо предмета не другое что есть, и должно быть, какъ выраженіе сущности онаго; то вышеупомянутое опредѣленіе холеры, нисколько не объясняющее сущности сей болѣзни, едва ли прилично ученому разсужденію.

Главными припадками холеры приняты сочинителемъ слѣдующіе: *головокруженіе (vertige), тошнота (nausée), и тоска (angoisse).*

Чтобы не подать повода читателямъ къ какому-либо недоумѣнію, мы будемъ переводить самый текстъ сочинителя, съ нѣкоторымъ въ иныхъ мѣстахъ сокращеніемъ.

Сочинитель говорить, что „головокруженіе, кажется, имѣетъ свое мѣстопребываніе въ мозгу, или можетъ быть даже въ корняхъ (*thalami s. colliculi*) зрительныхъ нервовъ, и дѣлается отъ воображенія, когда кто находится на уединенной высотѣ, отъ трезвытайно быстрыхъ впечатлѣній на чувства, какъ то: при катаніи, круговращеніи; наконецъ головокруженіе развертывается въ самомъ организмѣ отъ дѣйствія на мозгъ средствъ наркотическихъ, отъ опьянтія и гальванизма, при чемъ бываетъ даже кажущееся круговращеніе окружающихъ предметовъ. Потни всѣ болѣзни мозга наминаются головокруженіемъ, конемъ также сопровождается состояніе выздоровленія (*convalescentia*). Частю припадокъ сей бываетъ слѣдствиемъ накопленія (*congestio*) крови въ мозгѣ, происшедшаго отъ какого-либо препятствія въ кровеносныхъ сосудахъ мозга.“ (с. 19). Изъ сего выведено имъ заключеніе: что „головокруженіе должно происходить отъ раздраженія мозга.“ (с. 20).“

Физиологическія, патологическія и терапевтическія знанія не позволяютъ согласиться на такое заключеніе: ибо весьма много бываетъ случаевъ, гдѣ головокруженіе происходитъ единственно отъ истощенія и очевидной слабости. Это легко видѣть надъ выздоравливающими послѣ сильныхъ горячекъ, надъ потерявшими чрезвычайно большое количество крови, надъ изнуренными отъ продолжительныхъ болѣзней. Что головокруженіе развертывается въ самомъ организмѣ, это совершенно справедливо; и мы не стали бы объ этомъ говорить, если бы вы-

раженіє сіє не возбуждало въ уяві читателей другой противоположной ей мысли — будто голо-
вокруженіє можетъ развиваться и внѣ организма;
сія же послѣдняя мысль совершенно несправедлива,
потому что всякой припадокъ есть слѣдствіе
поврежденія органической матеріи въ ея смѣше-
ніи, или въ ея формѣ. Въ этомъ всѣ врачи,
идущіе наравнѣ съ врачебною наукою, согласны.
И такъ предложенное изъясненіе припадка голо-
вокруженія совсѣмъ не есть фізіологическое и
патологическое, и нимало не способствуетъ къ
открытію сущности холеры.

О тошнотѣ сочинитель говоритъ, что она
„можетъ происходить отъ разныхъ причинъ: отъ
воображенія, отъ щекотанія въ зевѣ, отъ повре-
жденій головы и прог.“ (с. 20). Съ этимъ мы,
да, думаемъ, и каждый врачъ будетъ согласенъ.
Но признаемся въ своемъ недоумѣніи и сомнѣніи,
точно ли „тошнота въ холерѣ зависитъ отъ раз-
драженія мозга“ (с. 22), и даже осмѣливаемся по-
дать свой голосъ напротивъ. Сверхъ того должно
сказать, что припадокъ сей весьма не важенъ. Какъ
вы объясняй его, это не можешь никогда до-
вести къ опредѣленію холеры. Дѣйствительно
важный припадокъ въ холерѣ есть рвота, о
которой въ сочиненіи сказано только слег-
ка и сдѣлано замѣчаніе, что „воля имѣетъ влія-
ніе на сіе явленіе, потому что посредствомъ
твердой рѣшительности можно воспрепятство-
вать перемѣниться тошнотѣ во рвоту, какъ это
замѣчено въ болѣзни покойнаго Доктора А...“ (с. 21)

Рассказываютъ объ одномъ Англичанинѣ, которъй по волѣ могъ останавливать бѣшеніе своего сердца; слѣдовательно нельзя отрицать, что бы не было совершенной невозможности, при существующей уже точности, предупредить твердою рѣшительностію рвоту. Но нельзя сказать этого о покойномъ Докторѣ А. Кто зналъ коротко Доктора А. — (впрочемъ для чего скрывать, скажемъ прямо) — Доктора Албини, тошъ вѣрно зналъ, что онъ во всю свою жизнь не имѣлъ рвоты, даже и тогда, когда принималъ рвотный камень или ипекакуанну собственно для сей цѣли.

„Тоска (*angoisse*)“ — по мнѣнію Г. Сочинителя — „*есть непріятное чувство, имѣющее, кажется, свое мѣстопробываніе въ груди, которую она стѣсняетъ, и рождающееся при мысли о близкомъ несчастіи. Тоска отливается отъ страха. Боятся можно отдаленнаго несчастія; но тоска производится только настоящимъ несчастіемъ. Страхъ заставляетъ бѣжать, а тоска дѣлаетъ неподвижнымъ (?)*. Болзливый старается избѣгнуть тоски и бѣжитъ отъ опасности, какъ скоро ее замѣтитъ; напротивъ теловѣкъ, умѣющій встрѣтить опасность, можетъ впасть въ тоску (с. 22).

Тоска стѣсняетъ грудь — *есть слѣдствіе накопленія крови въ легкихъ и сердца. Первое предложеніе несправедливо; если тоска есть слѣдствіе накопленія крови въ легкихъ и сердца, то слѣдовало бы сказать, что стѣсненная грудь, или правильнѣе, стѣсненіе легкихъ и сердца производитъ тоску. Второе же*

предложеніе, хотя и справедливо, но нимаю не ведетъ къ практической пользѣ: ибо не показана причина, отъ чего повреждается дыханіе и кровообращеніе; поврежденіе же такое можетъ произойти отъ многочисленныхъ, разнообразныхъ — и даже совершенно противоположныхъ между собою причинъ. Сдѣлайте опытъ надъ живыми животными; одно изъ нихъ посадите въ чистый кислородъ, а другое заставляйте дышать воздухомъ, въ которомъ много удушливаго газа; и вы увидите, что оба животныхъ равно будутъ поскованы. Но можно ли симъ явленіемъ объяснить сущность болѣзненнаго состоянія сихъ животныхъ, и можно ли употребить одинаковое лѣченіе? Очевидно не лзя. Чистыя физическія и химическія свѣдѣнія прямо указываютъ, что въ одномъ изъ приведенныхъ случаевъ необходимо прибавить известное количество азота, а въ другомъ кислорода.

И такъ тоска не можетъ быть признана *характеристическимъ припадкомъ холеры* (с. 22); потому что она замѣчается и въ другихъ болѣзняхъ, неимѣющихъ никакого сходства съ холерою; также не можетъ руководствовать къ надлежащему способу лѣченія; потому что не показана причина, производящая оную въ холерѣ.

Но не будемъ поспѣшать въ заключенія: посмотримъ на объясненіе *Фан—Свистена*, предлагаемое Авторомъ. Объясненіе сіе есть слѣдующее: *„какъ боль есть выраженіе страданія нерва, прямо зависящаго отъ мозга; такъ и тоска есть выраженіе страданія нервовъ жизненныхъ органовъ, которые не находятся въ непосредственной зависимости*

отъ мозга“ (с 20). Мнѣніе сіе підкрѣпляється тѣмъ, что „сердце, сильно волнуемое въ горячкѣ, это легкое, наполненное кровью въ воспаленіи сего органа (регирнеитоніе), не пригніають боли, но производять трезвыгайную тоску“ (с. 27).

— Воспаленіе легкихъ безъ боли!!!

Не знаемъ какъ для другихъ, а для насъ это есть новое и неуразумѣемое ученіе. Отъ начала Медицины до сего дня всѣ швердили, что воспаление имѣетъ поспоянною соупушницею боль. И это легко доказать фізіологически и патологически. Ежели же бываетъ воспаление безъ боли; то покорнѣйше просимъ представить такіе случаи, и мы останемся за то весьма благодарными. Довольствуясь симъ объясненіемъ, Г. Сочинитель сноситъ пошомъ всѣ припадки, замѣчаемые въ холерѣ, какъ то: *тошноту, рвоту, поносъ, сильную жажду, скоропостижное измѣненіе кровообращенія и наружнаго вида*, съ припадками принятыми Крейссигомъ за характеристическіе въ болѣзняхъ сердца. Но такое сличеніе можешь ли служишь къ объясненію сущности холеры, и вообще всякой болѣзни? При воспаленіи желудка замѣчаются: тошнота, рвота, не рѣдко поносъ, головокруженіе, боль подъ ложкою, таска и иногда бредъ; по этому всѣ сіи припадки должны происходить отъ поврежденія сердца, или другими словами, *воспаленіе желудка* будетъ поврежденіе сердца!.. Таковыя же припадки замѣчаются въ жестокихъ горячкахъ; слѣдовательно и горячки происходятъ отъ поврежденія сердца?.. Такая діагностика не много принесетъ пользы врачу въ его практическихъ занятіяхъ. Такую діагностику можно сравнить съ

обоюдоострымъ оружіемъ, гибельнымъ для врача и для больного.

Въ особенности не лзя пройти молчаніемъ замѣчательный припадокъ въ холерѣ, *измѣненіе голоса* (*voix rauque*). Сочинитель принимаетъ сей припадокъ вмѣстѣ съ другими для сравненія холеры съ болѣзнями сердца (с. 35) и находить въ немъ новое доказательство пождественности упомянутыхъ болѣзней. Но этого принявъ никакъ невозможно. Каждому врачу должно быть извѣстно, что дѣйствіе голоса совершаетсядыхательными орудіями; слѣдовательно измѣненіе голоса необходимо предшествуетъ измѣненію упомянутыхъ орудій. Таково должно быть фізіологическое изъясненіе и всѣхъ припадковъ, если только всѣ они могутъ быть такъ объяснены.

Говоря о болѣзняхъ сердца (*maladies du coeur*), Сочинитель помѣщаетъ болѣзнь *angina pectoris* въ числѣ *болѣзней сердца*. Не знаемъ, что должно разумѣть подъ именемъ *angina pectoris*; и потому покорнѣйше просимъ объяснить и доказать, что сія болѣзнь точно состоитъ въ поврежденіи сердца.

Что касается до матеріальныхъ поврежденій, замѣчаемыхъ въ больныхъ и открываемыхъ въ трупахъ, и до происхожденія ихъ, то и здѣсь сочинитель дѣлаетъ примѣненіе къ болѣзнямъ сердца: и здѣсь образованіе фиброзныхъ сроссковъ уподоблено образованію полиповъ въ семь органѣ. Разница состоитъ только въ томъ, что „въ холерѣ сросстки сіи не суть произведеніе воспаленія внутренней ткани сердца, въ слѣдствіе скоротетнаго пораженія сердца, ослабляющаго и уми-

тожающаго, такъ сказать, его жизненное движеніе, необходимое для сохраненія крови въ ея нормальномъ состояніи“ (с. 44)

— „Питательный сокъ (chylus), отнесенный въ сердце, полугаетъ въ немъ такъ сказать право гражданственности въ крови“ (с. 47). Вошь оваяшъ новая истина! Питательный сокъ, прежде нежели доидетъ въ сердце, проходитъ чрезъ легкіе и въ нихъ, посредствомъ кислотвора и вообще процесса дыханія, совершенно претворяетъ въ кровь. Такъ по крайней мѣрѣ думаютъ всѣ лучшіе фізіологи.

— „Въ холерѣ, какъ скоро движеніе сердца нагнаетъ терять свою силу, кровь нагнаетъ лишаться своего вліянія на нервы“ (с. 47). При сихъ мысляхъ потчасъ рождается вопросъ: въ холерѣ, что прежде поражаетъ — кровь, нервы, или сердце? Мы совѣмъ не согласны, чтобы поврежденіе крови зависѣло отъ ослабленія сердца. Мы охотнѣе принимаемъ то мнѣніе, что зараза (туазма) холеры поражаетъ прежде нервы, потомъ кровь, а можеть быть то и другое вмѣстѣ. Черная кровь одержимыхъ холерою ясно показываешь преизбыточествующій въ ней углевворъ. Какимъ образомъ кровь приходитъ въ сіе состояніе, отъ оскуднѣнія ли въ шѣлѣ кислотвора, или отъ того, что углевворъ пересчитаетъ изъ шѣла отдѣляясь съ выдыханіемъ, или, что онъ поступаетъ въ большемъ количествѣ со выдыханіемъ — это еще неопредѣлено. Только то не подвержено сомнѣнію, что столь быстрое измѣненіе крови можеть произойти не иначе, какъ чрезъ

процессъ дыханія, или чрезъ непосредственное смѣшеніе мѣзмы съ кровью въ живомъ организмѣ. И потому утвѣреніе Сочинителя, что „мы имѣемъ нѣкоторое право думать, что перемѣны въ крови зависятъ отъ первоначальной перемѣны въ жизненности сердца“ (с. 48), совершенно несправедливо.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ сказать, что для объясненія сущности холеры необходимо должно знать:

а) Образъ ея распространенія;

б) Существенные припадки и органическія поврежденія;

в) Отношеніе первыхъ къ послѣднимъ, какъ дѣйствія къ причинѣ, или какъ произведенія къ дѣйствию.

Слѣдовательно должно показать:

1. Холера есть ли болѣзнь къ намъ принесенная, или развившаяся отъ обстоятельствъ, свойственныхъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ она свирѣпствовала?

2. Точно ли холера должна считаться въ числѣ заразительныхъ болѣзней, каковы: горячки чумная, желтая Американская, шифозная Европейская, оспа, корь, скарлатина и т. п.?

3. Какіе существенные припадки и важнѣйшія органическія перемѣны производить она какъ въ твердыхъ, такъ и въ жидкихъ частяхъ тѣла?

4. Отъ чего жидкость извергается въ столь большомъ количествѣ рвотою и поносомъ?

5. Отъ какого матеріальнаго поврежденія зависятъ судороги — столь ужасное явленіе въ холерѣ?

6. Какая причина столь быстрого охладѣнія всего тѣла и столь внезапной потери жизненной полноты (*turgor vitalis*)?

7. Отъ чего кровь измѣняется въ составъ и цвѣтъ, и притомъ въ столь короткое время?

По краткости времени и по многимъ занятіямъ, мы не можемъ представить теперь удовлетворительнаго рѣшенія всѣхъ сихъ вопросовъ; однако на нѣкоторые, хотя кратко, нужнымъ считаемъ отвѣтствовать:

1. Существенными припадками мы считаемъ слѣдующіе: рвошу, поносъ, судороги, охладѣніе поверхности тѣла, скоропостижную потерю жизненной полноты, спѣсненіе подъ ложкою, особенное измѣненіе лица и голоса, которое изобразить словами едва ли возможно.

2. Важнѣйшія органическія поврежденія суть: болѣзненное состояніе нервовъ и крови.

3. Судороги зависятъ отъ поврежденія нервовъ, управляющихъ движеніемъ мышцъ, принадлежащихъ къ той или другой части тѣла. Это доказать легко фізіологически, потому что движеніе совершается мышцами и нервами, въ нихъ находящимися. Тоже подтверждается вскрытіями труповъ: ибо чѣмъ сильнѣе судороги, тѣмъ большее находилось поврежденіе нервовъ тѣхъ частей, въ которыхъ были судороги.

4. Причина измѣненія крови показана выше.

Послѣ всего здѣсь сказаннаго, излишнимъ и даже непозволительнымъ считаемъ мы произнести рѣшительное мнѣніе, на какой степени достоинства стоитъ разобранная нами книжка. Разсматривая ее мы имѣли въ виду только одно: изыскать исти-

ну и предостеречь какъ себя, такъ и другихъ отъ ложныхъ, но за истину выдаваемыхъ мнѣній. Не лзя однако не признаться Г. Сочинителю, что примѣръ его привязанности къ Крейссигу сильно на насъ подѣйствовалъ; и что его мнѣніе, очарованное идеями *Фан—Свитена*, *Крейссига* и *Рейля*, напомнило намъ горькую, но полезную истину: кто вѣритъ на слово, тотъ весьма часто обманывается, и другую еще горшую: гужимъ умомъ жить не должно.

Р. S. Еще слово. Въ книжкѣ сей холера названа сперва *paralysie du coeur* (с. 54), а пошомъ найдено лучшимъ назвать сію болѣзнь *cardiognus vitalis epidemicus*. Приличныли сіи названія холерѣ, оспавляемъ на судъ всякаго, знающаго медицинскую технику. (Z. Z.)

VIII

НОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ВОЕННЫХЪ СУХОПУТНЫХЪ И МОРСКИХЪ СИЛЪ ОТТОМАНСКОЙ ИМПЕРІИ.

(окоптаніе)

МОРСКІЯ СИЛЫ.

Хотя Турки были всегда народомъ существенно сухопутнымъ, но положеніе ихъ на берегахъ морей Средиземнаго, Мраморнаго и Чернаго, и искушенія, представляемая богатыми владѣніями Венеціанъ на островахъ Левантскихъ, должны были заставить ихъ рано почувствовать необходимость въ морской силѣ. Посему видимъ

мы, что съ самаго взятія Константинополя, въ 1453. Султаны начали ревностно заниматься своимъ флотомъ; и, послѣ многихъ усилій, достигли наконецъ до того, что могли мѣяться съ Венеціанами, которые тогда составляли первую морскую державу и коихъ власть надъ восточными морями оспаривалась только Генуезцами. Но сіи успѣхи были кратковременны; битва при Лепантѣ остановила навсегда возвышеніе Турецкаго флага; и если победы въ Венгріи ласкали еще самолюбію правовѣрныхъ, то они должны были признаться, что пророкъ, давъ оружію ихъ непобѣдимую крѣпость на землѣ, оставилъ владычество морей Христіанамъ.

Мугаммедъ II можетъ считаться творцемъ Оттоманскаго флота: но его первые оцѣны были сдѣланы еще по столь малому масштабу, что, при осадѣ Константинополя, вся морская его сила состояла только въ осьмнадцати галерахъ и нѣсколькихъ дурно построенныхъ баркахъ, наполненныхъ людьми, которые шептались стихіи, на коей должны были дѣйствовать. Приближеніе пяти Христіанскихъ кораблей, шедшихъ на помощь осажденному городу, представило Оттоманамъ случай испытать свое искусство и мужество на морѣ; но ихъ нападенія были такъ дурно распорядены и непріатели защищались такъ сильно, что, покусившись три раза идти на abordажъ, они были принуждены удалиться съ потерей многихъ тысячъ людей и оставить море своимъ противникамъ.

Не смотря на то флотилія Турецкая способствовала взятію Константинополя. Послѣ того, какъ Мугаммедъ утвердилъ престолъ свой на

развалинахъ престола Кесарей, онъ не нашель ни какого препяшствія къ усовершенію морскихъ силъ своихъ. Греки, его новыя подданные, или лучше, новые рабы, должны были посвятить свои мореходческія свѣдѣнія на службу своего новаго господина. Съ другой стороны жадность Генуезцевъ и ихъ ненависть къ Венеціи побудила ихъ вступить въ союзъ съ Султаномъ, на могущесствѣ коего они основывали надежду разрушить силу своей соперницы.

И такъ, благодаря Генуезцамъ и Грекамъ, Турецкій флотъ, въ нѣсколько лѣтъ, сдѣлалъ великіе успѣхи. Венеціане вскорѣ были выгнаны изъ Мраморнаго Моря; Турки, возгорженные сими успѣхами, не удовольствовались уже однимъ охраненіемъ береговъ своихъ: они пустились въ Средиземное Море; спали дѣлашь сами вылазки на его берега и такимъ образомъ держали въ безпрестанной тревогѣ враговъ своихъ, собирая вмѣстѣ съ нихъ богатые добычи. Между кораблями Турецкими и эскадрами Венеціанскими завязывались не рѣдко схватки: ихъ успѣхъ былъ иногда сомнителенъ, но онъ оканчивался почти всегда въ пользу Венеціанъ. Только тогда, когда знаменитый Гейрадинъ Барбаросса получилъ начальство надъ Оштоманскими морскими силами, онъ началъ мѣяться съ Христіанами иногда съ успѣхомъ.

Гейрадинъ Барбаросса былъ одинъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ людей, кои причтены бѣ были къ лику героевъ, еслибъ родились подъ другимъ небомъ и еслибъ душа ихъ была укрощена воспитаніемъ. Но храбрость, заставлявшая его презирать самыя величайшія опасности, и талантъ, обезпечивавшій ему всегда вѣрные успѣхи, по-

служили только къ тому, чтобы превратить его изъ обыкновеннаго пирата въ ашамана морскихъ разбойниковъ. Улучшенія, введенныя Барбаросою въ Мусульманское мореходство, могутъ изъясниться сими немногими словами: „онъ былъ самъ морякъ.“ Приученный къ морю съ самаго дѣтства, Барбаросса не боялся воды; и посреди волнъ, точно также какъ на сушѣ, сохранялъ непоколебимую швердось духа и взоръ быстрый и рѣшительный.

Адмиралы Оттоманскіе, ему предшествовавшіе, были люди, не бывавшіе никогда на кораблѣ, и совершенные невѣжды во всемъ томъ, что касается до мореплаванія и тактики. Правда, морское искусство было еще такъ ограничено въ это время, что даже у Христіанъ не рѣдко Адмиралы командовали сухопутными арміями и Генералы управляли движеніями флота: но между организаціею Турецкаго и Европейскаго флота существовало всегда великое различіе; подчиненные офицеры Христіанскихъ державъ знали хорошо всѣ обязанности своей службы; такъ что Главнокомандующему стоило только начертать планъ дѣйствованія, а касательно исполненія подробностей можно было совершенно на нихъ положиться. Экипажи Христіанскіе состояли всѣ изъ моряковъ. Венеціане, народъ-амфибій, если можно такъ выразиться, приучаемы были, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, презирать всѣ опасности моря; въ случаѣ же нужды могли еще пользоваться жителями береговъ Иллиріи и Далматіи. Генуезцы были также народомъ мореходнымъ; Испанія и Франція имѣли не совсѣмъ маловажныя флоты;

и наконецъ Мальта, находившаяся въ безпрестанной войнѣ съ Востокомъ, была школою, въ коей воспитывалось Христіанское юношество, искавшее славы и почестей вездѣ, куда война вносила свои опустошенія. Между тѣмъ военныя команды на Христіанскихъ корабляхъ, точно также какъ и на Магометанскихъ, представляли собой удивительную разнобоярщину, пока усовершенствованіе мореплаванія не вывело изъ употребленія галеры: невольники, осуждаемые на греблю, во большей части были соотечественниками и единовѣрцами тѣхъ, съ коими должны были сражаться; такъ что каждый выстрѣлъ, дѣлаемый съ обѣихъ сторонъ, могъ убивать врага вмѣстѣ съ землякомъ и можешь быть пріятелемъ. Но, когда усовершенствованіе морскаго искусства, замѣнивъ весла парусами, сдѣлало гребцевъ излишними, Христіанскіе корабли перестали употреблять плѣнниковъ; между тѣмъ какъ Турки все еще продолжали держать невольниковъ и не рѣдко приковывали ихъ къ пушкамъ, изъ которыхъ стрѣляли.

Славная Лепантская битва, въ 1571, составляетъ замѣчательную эпоху не только въ исторіи морской силы Турковъ, но и державъ Христіанскихъ; ибо, такъ какъ побѣда главнымъ образомъ обязана была тогда огню, поддерживаемому пятью большими кораблями, которые, подобно крѣпостямъ, защищали Христіанскую линію, то можно сказать, что съ сей эпохи началось введеніе тяжелой артиллеріи на корабли и слѣдовательно постепенное оставленіе галеръ. Пять содѣйствующихъ кораблей или галеръ были въ схваткѣ въ этотъ

ужасный день; и послѣ упорной борьбы побѣда осталась за Дон-Жуаномъ Австрійскимъ. Изъ 230 галеръ, составлявшихъ флотъ Оштоманскій, 30 было потоплено, 25 сожжено и 130 досталось Христіанамъ: Турки потеряли сверхъ того 25,000 человекъ убитыми и 8,000 плѣнными; 15,000 Христіанскихъ невольниковъ получило свободу. Союзныя державы потеряли 15 кораблей и 10,000 человекъ. Если подумать, что, за сто лѣтъ предъ этимъ достопамятнымъ дѣломъ, Турки были совершенные невѣжды относительно мореплаванія и не въ состояніи были бороться съ 5 Христіанскими галерами въ Мраморномъ Морѣ, то нельзя не удивиться быстротѣ, съ которою они умѣли сотворить у себя столь важную морскую силу. Скорость, съ каковою они собрали опять 200 судовъ послѣ битвы Лепантской, сшолъ для нихъ пагубной, доказываетъ, что средства ихъ тогда были безмѣрны. Тѣмъ не менѣе однако, сія эпоха должна считаться началомъ паденія морской ихъ силы: они еще мѣрялись иногда съ Венеціанами; но Венеція уже не была владычицей морей; и Пасаровичскій миръ, въ 1718, нанесъ послѣдній ударъ ея морскому преобладанію.

Турки также перестали употреблять галеры. Они завели у себя корабли, на подобіе западныхъ Европейскихъ пародовъ, и вооружили ихъ по правиламъ новѣйшаго искусства. Но на что могли годиться имъ эши корабли, когда у нихъ не было офицеровъ, способныхъ управлять ими? Какія выгоды могли извлечь для себя изъ компаса люди, не имѣвшіе понятія о четырехъ странахъ свѣта, и совершенные невѣжды въ Географіи? И

дѣйствительно, тѣ же самыя причины, по которымъ Опшоманы должны были испытать поражение на предѣлахъ Венгріи, имѣли вліяніе на ихъ морскую силу. Науки дѣлали быстрые успѣхи во всей Европѣ, тогда какъ въ Турціи объ нихъ не было и слуха; и когда Османлысы пробудились наконецъ отъ своего латаргическаго усыпленія и сознали худое положеніе дѣлъ своихъ, они думали помочь ему, перенимая матеріальныя улучшения своихъ враговъ, безъ всякаго помышленія о необходимости пріобрѣсть просвѣщеніе, которое давало симъ послѣднимъ средства ими пользоваться. Такимъ образомъ они настроили себѣ кораблей, не умѣя употреблять ихъ, и, въ сей крайности, должны были прибѣгнуть къ Грекамъ, коихъ дѣятельная жизнь и расположеніе къ корсерству сдружали съ моремъ.

Въ теченіе полулѣтѣ, слѣдовавшаго за Пасаровичскимъ миромъ, только однѣ сѣверныя границы Порты были подвержены непріятельскимъ нападеніямъ. Ни Россія, ни Австрія не были еще тогда морскими державами. По сему Султаны, устремляя все свое вниманіе шуда, гдѣ опасность была настоящельнѣе, оставляли въ небреженіи флотъ, который отъ того пришелъ въ совершенное разстройство. Корабли гнили въ пристаняхъ: ихъ вооруженіе было худо, командиры еще хуже: они были не въ состояніи показаться на морѣ. Единственныя экспедиціи, на которыя отваживались нѣкоторыя изъ нихъ, были посланки въ Архипелагъ, наряжаемыя Капудан-Пашею, для собиранія ему ежегодной подати: тогда эти вѣшкія громады таскались вдоль береговъ, отъ

острова къ острову, цѣпляясь немедленно за якорь, какъ скоро вѣтръ начиналъ свѣжѣть, и боясь паче всего потерять изъ виду землю.

Но между тѣмъ какъ сіе пагубное ослѣпленіе Турковъ и совершенное нераднѣе о морской силѣ продолжалось, Екатерина, бдительная ихъ непріятельница, не опустила случая, представляемаго ей симъ положеніемъ, для распространенія своего могущества въ Средиземномъ Морѣ; и, въ 1770, Турки были поражены ужасомъ, узнавши, что Русскій флотъ высадило войска въ Грецію и плыветъ къ Дарданелламъ. Эта новость извлекла ихъ изъ лѣтартіи; но уже было слишкомъ поздно. Флотъ Русскій управляемъ былъ, во имя Графа Орлова (а), Елфинстономъ и Грейгомъ, испытанными моряками. У Турковъ не было ни офицеровъ ни мажорсовъ; и ихъ флотъ, хотя превосходившій гораздо числомъ Русскій, былъ разбитъ, въ жестокомъ сраженіи при Чесмѣ, гдѣ корабль самаго Капудан-Паши взлетѣлъ на воздухъ. Успѣхъ увеличилъ славу Русскихъ, кои сожгли тогда всю Турецкую эскадру: 15 линейныхъ кораблей сдѣлались добычею пламени, вмѣстѣ съ многими другими судами. Русскіе потеряли только корабль, который взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ съ кораблемъ Капудан-Паши.

Между тѣмъ человекъ, которому Порта была обязана возстановленіемъ своей морской силы, уцѣлѣлъ отъ сего пораженія: это былъ Гассанъ, Капиданъ корабля Адмиральскаго, который, хотя и находился на немъ во время взрыва, но не получилъ однако никакой раны и успѣлъ вплавь (а) Полво такъ ли? Изд.

добраться до берега. Онъ былъ назначенъ на мѣсто Капудан-Паши, умерщвленнаго по повелѣнію Султана. Въ рукахъ его Турецкій флотъ началъ было обновляться и приходилъ опять въ цвѣтущее состояніе. Настроили новыхъ кораблей; старые починили; арсеналы снабжены были многочисленными запасами; и множество злоупотребленій, вкраившихся въ управленіе морское, было пресѣчено. Мужество Гассана не знало никакихъ предѣловъ; оно приближалось иногда къ дерзости; но тѣмъ самымъ вдыхало довѣренность солдатамъ. Счастливый успѣхъ смѣлаго нападенія, устремленнаго имъ противъ Русскихъ при островѣ Лемносъ, послужилъ къ утвержденію славы, которую онъ приобрѣлъ прежними дѣйствіями. Но онъ не всегда былъ такъ счастливъ. Принцъ Нессавскій разбилъ его флотилію въ томъ 1788 года и заставилъ его потерять 8 кораблей и 2,000 человекъ; во второй схваткѣ Гассанъ потерялъ еще 4 линейные корабля, множество фрегатъ и 3,000 человекъ.

Послѣ смерти его, Турецкій флотъ погрузился опять въ глубочайшее расслабленіе и исчезъ совершенно съ Средиземнаго Моря, до самаго занятія Египта Французами. Тогда, вслѣдъ за высадкой Англійскаго войска, въ 1800, изъ Константинополя отправленъ былъ флотъ для содѣйствія общему дѣлу. Султанъ Селимъ имѣлъ довольно разсудительности для того, чтобы почувствовать необходимость образованія морской силы, которая могла дѣйствовать согласно съ его сухопутною арміею и поддерживать покорность его данниковъ, разсыянныхъ по Европѣ, Азіи и Африкѣ. Въ слѣдствіе сего онъ занялся прилѣж-

но возстановленіемъ Опшманскаго флага; и когда Англійская эскадра, въ 1807, прорвалась сквозь Дарданеллы, флотъ Турецкій въ одномъ Константинополѣ состоялъ изъ 12ти линейныхъ кораблей, (между коими было 2 о шрехъ декахъ), 9ти фрегатовъ и многихъ бриговъ и корветовъ. Англичане сожгли и истребили тогда 1 корабль о 64 пушкахъ, 4 фрегата, 3 корветы, 1 бригъ и 2 канонерскія шлюпки.

Не смотря на то, у Турковъ оставалось еще довольно, чтобы держаться противъ Русскихъ на Черномъ Морѣ, куда перенесенъ былъ шеатръ войны послѣ Чесмесской битвы; и тѣмъ болѣе, что по заключеніи мира съ Англіею, имъ нечего уже было бояться со стороны Средиземнаго моря, изъ коихъ владычествовать флотъ Англійскій.

Окончаніе непріятельскихъ дѣйствій между Россіею и Портою, въ 1812, осудило опять на бездѣйственность флотъ Турецкій, который снова ограничился ежегодными прогулками въ Архипелагъ, для собиранія податей Капудан-Пашъ; но наступало время, когда онъ долженъ былъ приняться за дѣло; Греки приготовлялись свергнуть иго Мусульманъ и сражаться на морѣ съ своими притѣснителями,

Со времени возстанія Греціи до 1827 года, исторія Турецкаго флота представляетъ рядъ непрерывныхъ бѣдствій. Такъ какъ подробности войнъ принадлежатъ нѣкоторымъ образомъ исторіи Греческой революціи, то мы ограничимся здѣсь только напоминовеніемъ, что въ про-

долженіе ея, многіе линейныя Оттоманскіе корабли были сожжены Эллипскими брандерами и большая часть другихъ судовъ была зашоплена или взята въ плѣнъ. Битва при Наваринѣ повергла въ отчаяніе моряковъ Мусульманскихъ: конечно, они дрались мужественно; но ихъ храбрость, не руководствуемая дисциплиною, была не въ состояніи противиться стройному нападенію союзныхъ державъ.

Война 1829 и слѣдующаго года не имѣла никакого вліянія на морскую силу Оттомановъ. Они потеряли корвешу, но за то взяли Русскій фрегатъ. До большаго дѣла вовсе не доходило.

Обозрѣвши такимъ образомъ въ главныхъ пунктахъ исторію Турецкой морской силы, бросимъ теперь крашкій взглядъ на ея настоящее положеніе.

ОТТОМАНСКИЙ ФЛОТЪ.

Можно сказать, что въ Константинополѣ сосредоточивается вся Оттоманская Имперія; ибо все, что относится къ арміи, флоту и гражданскому управленію, дѣлается въ Константинополѣ.

Султанъ боится довѣрять исполненіе своихъ плановъ подчиненнымъ, зная очень хорошо, что только подъ его непосредственнымъ надзоромъ могутъ быть осуществлены его намѣренія. Такимъ образомъ арсеналы, верфь и все, что относится къ корабельному дѣлу, находится въ Константинопольской пристани, которая, можешь быть, только одна въ свѣтѣ можешь вымѣщать въ своемъ обширномъ пространствѣ все

нужное для устроения флота. Вотъ что составляло Турецкую морскую силу въ 1830 году:

составъ флота		числ. судо.	число пушек.	Всѣ пушки Ошманскаго флота вылины изъ бронзы; ибо искусство лить чугуна не столь еще усовершенствовано въ Турціи, чтобы можно было безопасно оплавлять чугунныя пушки.
корабли линейные	<i>Махмудъ</i>	1	120	
	<i>Селимъ</i>	1	80	
	еще другіе	6	74	
фрегаты . . .		10	36—60	
корветы . . .		13	18—50	
бригъ . . .		1	12	
пароходы . . .		2		
всего . . .		34		

Нѣкоторые изъ сихъ судовъ такъ стары, что не могутъ держаться на морѣ. Но *Махмудъ*, который только что отдѣланъ, замѣчательнъ своимъ гигантскимъ размѣромъ и изысствомъ строенія. Это, безъ сомнѣнія, лучшее военное судно, какое только существуетъ. Онъ имѣетъ въ длину 234 футовъ и въ ширину 63; вооруженъ 120-ю пушками и множествомъ каронадъ большаго калибра.

Даже въ сіи послѣднія времена существовалъ у Турковъ родъ морскаго корпуса, называемый *галіонджии*, откуда набирался экипажъ для флота: но, такъ какъ онъ уничтоженъ, то Султанъ занимается образованіемъ новаго морскаго корпуса, по той же системѣ, которая принята для сухопутныхъ войскъ; его устроеніе не было еще кончено въ началѣ 1830 года. Прекрасная казарма подлѣ арсенала назначена для сего новаго войска, которое будетъ хорошо экипировано и получитъ хорошее жалованье. Заведено также морское училище. До революціи Греческой, настоящую силу Турецкаго флота составляли Империалы, Спеціалы

ты и Идріоты : всѣ маневры были предоставлены Грекамъ; Турки дѣйствовали только орудіями. Теперь, когда Элліны свергли ихъ иго, Турки видящъ себя принужденными дѣлать оба дѣла вмѣстѣ; и весьма сомнительно, чтобы они успѣли въ этомъ такъ, какъ ихъ дѣятельные райи.

Турецкіе корабли вообще набиты людьми; и сія многочисленность экипажа только что затрудняетъ ихъ маневры и заставляетъ ихъ терять болѣе людей въ сраженіи. Не лзя однако сомнѣваться, чтобы Махмудъ не успѣлънаконецъ привести къ совершенству свой флотъ, если принявъ въ соображеніе то, что Мугаммед-Али сдѣлалъ недавно въ Египтѣ. Флотъ сего Пащѣ, или лучше Вице-Султана, находится теперь въ самомъ лучшемъ состояніи; и хотя онъ по имени принадлежитъ Султану, на его не должно смѣшивать съ флотомъ Константинопольскимъ.

МОРСКОЙ АРСЕНАЛЪ

Сіе заведеніе нуждается почти во всѣхъ вещахъ, долженствующихъ составлять полное депо. Когда Капашанъ Транцѣ осматривалъ его, въ 1830, все богатство его состояло въ запасныхъ матчахъ. Въ это время обдѣлывали бревна для *Махмуда*; и только десятеро работниковъ занимались эшичъ дѣломъ, съ помощію однихъ рукъ, безъ всякаго пособія машинъ.

Строевой корабельный лѣсъ идетъ изъ Поника (древней Никеи) и также съ Азіатскихъ береговъ Червлаго Моря. Мѣдъ добывается изъ рудниковъ малой Азіи; кажется, что канаты и парусы дѣлаются въ Константинополѣ. Знаменитая тюрьма, *банъо*, находится въ оградѣ арсенала и

оправдываетъ вполнѣ ужасныя описанія, которыя объ ней извѣстны. Это вертепъ болѣзней, нечистоты и гдѣдности; сыродныя испаренія разливаются отъ скопленія всякой дряни, взгроможденной горами въ мрачныхъ клетушкахъ, гдѣ заключены несчастные плѣнники. Свѣтъ едва проникаетъ въ это жилище опшчашія. Греческая часовня составляетъ часть зданія; на дворѣ находится маленькая мечеть, лавки и баня.

МОРСКІЯ УКРѢПЛЕНІЯ

Защищеніе Дарданеллъ и Босфора весьма тѣсно связано съ сухопутною и морскою силою Турціи; и припомъ недавнія пристройки сдѣлали сіи укрѣпленія гораздо страшнѣе, чѣмъ въ то время, когда Сиръ Дюквортъ прорвался сквозь ихъ; почему считаемъ мы не излишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ ихъ настоящемъ положеніи.

Геллеспонтъ имѣетъ около 60 миль въ длину; укрѣпленія начинаются съ самаго соединенія его съ Средиземнымъ моремъ и оканчиваются при Сесшоѣ и Абидосѣ, гдѣ каналъ сѣпановишся очень широкъ. Замки по сю сторону Дарданеллъ построены другъ противъ друга, при входѣ въ каналъ. Самые первые изъ нихъ сущь: *Ситиль-Багаръ* на Европейскомъ берегу и *Кум-Кале* на берегу Азіяшскомъ; между ними Дарданеллами только двѣ башари: *Эски-Сарлекъ* въ Европѣ и *Киллис-Вурумъ* въ Азій, совершенно открывшя съ сухопутной стороны. Крѣпости, называемыя собственно *Дарданеллами*, находятся въ томъ мѣстѣ, гдѣ каналъ наиболѣе суживается. *Киллит-Багаръ* стоитъ на Европейской сторонѣ, а *Султанъ-Калессей* на сторонѣ Азіяшской; сіи послѣднія крѣпости причинили наибо-

дѣ вреда Англійскому флоту въ 1807. Разстояніе отъ Дарданеллъ до Абидоса заключаетъ въ себѣ около 4 миль; и весь берегъ такъ обставленъ башарейми, что отъ нихъ идетъ перекрестный огонь, Сестосская и Абидосская слѣдуютъ направленію теченія. Ни одна изъ сихъ крѣпостей (исключая Абидосскую, которая окружена стѣнами) не способна защищаться со стороны сухопущной.

Вотъ исчисленіе батарей, защищающихъ Дарданеллы, съ показаніемъ числа пушекъ, находящихся при каждой изъ нихъ :

ОЗНАЧЕНІЕ ЗАМКОВЪ ИЛИ БАТАРЕЙ.	число пушекъ.	число мортиръ.
въ Европѣ :		
1. Ситиль - Багаръ	70	4
2. Скарин - Кале	15	"
3. Эски - Сарлекъ	12	"
4. Киллиш - Багаръ	155	"
5. Кіамле - Бурміе	30	"
6. Бовалли-Калессій или Сестось	50	"
всего на берегу Европейскомъ	332	4
въ Азии :		
1. Кум - Кале	80	4
2. Киппие - Бурумъ	26	"
3. Султанъ - Калессій	196	"
4. Новая батарея	50	"
5. Кіоссе - Бурумъ	46	"
6. Нагара - Бурумъ или Абидось	84	"
всего на берегу Азіатскомъ	482	4
всего навсего	814	8

Батарей Султанъ - Калессій имѣеть семнадцать пушекъ, которыя стрѣляютъ каменными ядрами 24-хъ дюймовъ въ поперечникѣ, и одну — 25-ти дюймовъ съ половиною. Въ Килиш-Багаръ находится осьмнадцать пушекъ того же размѣра и шестнадцать въ Кум-Кале.

Не смотря на весь этотъ наружный снарядъ, взятіе Дарданеллъ не можетъ представить большихъ трудностей для Европейцевъ. Стоишь только высадить войска въ концѣ залива Сарасскаго и занять положеніе выше Галлиполи, чрезъ Херсонесъ; это движеніе воспрепятствуетъ подашь помощь замкамъ или батареямъ съ сухопутной стороны; а потомъ не много уже потребуешь времени для того, чтобы взять ихъ и отворить путь флоту. Большая часть крѣпостей, защищающихъ Геллеспонтъ, открыты съ сухаго путя; и тѣ, которыя имѣютъ стѣны, окружены высотами, такъ что никакъ не могутъ противостоять соединенному нападенію съ земли и съ моря.

Укрѣпленія, стерегуція входъ Босфора, построены по одному плану съ Геллеспонтскими; но онѣ безопаснѣе отъ нападеній съ сухопутной стороны; ибо берега не представляютъ удобныхъ мѣстъ для высадки войскъ и входъ Босфора очень неудобенъ. Сверхъ того изъ столицы можетъ быть подана помощь крѣпостямъ въ двадцать четыре часа; такъ что еслибъ даже можно было высадить тысячу двадцать или тридцать войска, оно было бы подавлено вооруженнымъ народонаселеніемъ Константинополя. Р. С.

IX

СТАРИННОЕ ПРОРОЧЕСТВО О ПАПАХЪ (а).

Въ Римско-Католической Церкви есть пророчество, котораго она не скрываетъ и которое однако прямо противорѣчишь исполкованію и примѣненію, дѣлаемому ею изъ словъ *І. Христа*: „ты еси *Петръ* и на семь каменн созижду церковь мою, и врата адовы не одолѣють ей!“ Это пророчество *С. Малахія*, въ коемъ будущее число Папъ и паденіе седмиколеннаго града предвозвѣщаются самымъ опредѣлительнѣйшимъ образомъ; и при томъ такъ, что сіе послѣднее должно быть не слишкомъ удалено отъ наснорящаго времени. Если исполненіе сего пророчества, согласно съ толкованіемъ одного Италіянца, указываетъ на страшный судъ, то оно конечно не будетъ противорѣчишь приведенному изреченію; но въ такомъ случаѣ мы должны скоро ожидать кончины свѣта: ибо, если вѣришь предсказанію, Папъ осталось уже очень не много; а *con Pontifici finira il mondo* (съ Папами долженъ кончиться свѣтъ), говоритъ упомянутый истолкователь.

Малахія былъ Архіепископъ Доуна (*comitatus Dunensis*) въ Ирландіи, изъ Цистернскаго ордена, и по Самуилу Андрею (*Samuel Andreae*), умеръ въ 1148 году. Св. Бернардъ, столь высоко чинимый Римско-Католическою Церковію, который жилъ между 1091 и 1153 годами, и слѣдовательно былъ современникомъ *Малахія*, описалъ (во второмъ томъ своихъ сочиненій) житіе его, начиная

(*) Статья сія особенно посвящается любителямъ исторіи Папъ и чудныхъ предсказаній. Изд.

слѣдующими словами: „нашъ *Малахіа* родился, воспитался и образовался въ Гиберніи, среди народа грубаго; но въ немъ не осталось никакого слѣда сей грубости, подобно какъ въ морской рыбѣ не остается никакого вкуса морской воды“. Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ объ немъ: „не неправедно *Малахіа* сопричисленъ къ лику Ангеловъ; ибо онъ наслаждается славою и блаженствомъ равноангельнымъ.“ Мы приводимъ здѣсь сіи мѣста для того, чтобы показать, сколь много сей святой уважается Римскою Церковію. Пророчество его написано на Латинскомъ языкѣ и было неоднократно напечатано (а). Оно начинается, безъ всякаго введенія, съ 1143 года, когда *Целестинъ II* взошелъ на Папскій престолъ, и, перечисляя всѣхъ послѣдующихъ Папъ, продолжается до того, коимъ должна окончиться Римская Церковь. Время правленія каждаго изъ *ста десяти* Папъ, подъ копорыми Церковь сія съ помянутаго года должна продолжать свое существованіе и съ послѣднимъ изъ коихъ должна рушиться, обозначается въ немъ немногими, и большею частію, двумя словами, которыя — [какъ явствуетъ изъ толкованія Патера *Альфонса Циаконуса* (вышеупомянутаго *Циакони*) доведеннаго до *восемьдесятъ четвертаго* Папы] — относятся или къ родинѣ Папы, или къ тому мѣсту, гдѣ онъ преж-

(а) *Эрнесту* упоминаешь объ изданіи, помѣщенномъ, съ примѣчаніями Циакони, въ Арнольда Віона: *Lignum vitae, ornamentum et decus Ecclesiae*; Venet. 1595 (на Нѣмецк. въ Кельнѣ 1643). Другое изданіе, находящееся теперь предъ глазами, приложено къ *Flosculis Historiarum* *Иоанна Бюссера* — книгѣ, которая, послѣ семи изданій во Франціи, напечатана въ Германіи въ первый разъ, 1706 въ Кельнѣ.

де былъ Епископомъ, или къ его родовому гербу, или наконецъ къ какому нибудь происшествію, случившемуся или долженствующему случиться въ его правленіе. Такъ, напримѣръ, *Иннокентій V* называется *concionator Gallus* (проповѣдникъ Галльскій), потому что онъ происходилъ изъ Французской фамиліи и принадлежалъ къ ордену проповѣдниковъ; *Целестинъ IV* — *leo Sabinus* (левъ Сабинскій), потому что въ гербѣ имѣлъ льва и былъ Сабинскимъ Епископомъ; *Александръ V* — *flagellum solis* (бичъ солнца) — выраженіе, относящееся частію къ гербу сего Папы, на которомъ изображено было восходящее солнце, частію же къ Миланской Церкви, коей онъ прежде былъ Архіепископомъ, и сдѣдовавъ преемникомъ Св. Амвросія, изображаемаго обыкновенно съ бичемъ; *Каликстъ III* — *bos pascens* (пасущійся волъ), потому что у него въ гербѣ было подобное изображеніе; *Сикстъ IV* — *piscator Minorita* (Миноритъ Рыбарь, потому что онъ былъ сынъ рыбака и принадлежалъ къ ордену Миноритовъ; *Павелъ V* — *gens perversa* (родъ развращенный), потому что въ его правленіе Богемцы, зараженные язвою ереси, возстали противъ Католической Религіи и противъ столпа ея — Австрійскаго Дома, и привели въ смятеніе всю Церковь Христову; *Иннокентій X* — *jucunditas crucis* (сладость креста), потому что въ его правленіе заключенъ Вестфальскій миръ. Многія изъ сихъ шолкованій, какъ показываютъ приведенные примѣры, составлены въ духѣ Римской Церкви; но безпристрастный знатокъ исторіи Папъ легко можетъ сдѣлать и другія примѣненія.

Конечно, всего легче и естественнѣе подумать, что сіи предсказанія сдѣланы послѣ событій — самимъ ихъ истолкователемъ; но если и предположишь, что это не есть ни яснозрѣніе, ни такъ называемое *second sight* (второе видѣніе), которое могло здѣсь *en gros* быть вѣрно и справедливо, а чистый обманъ, основанный на шарлатанствѣ — то это предположеніе можешь имѣть силу только до 1676 года, въ которомъ издано приводимое толкованіе. Съ сего времени толкователь долженъ непремѣнно изобличиться во лжи, по весьма естественной причинѣ; ибо, послѣ Иннокентія XI, не видалъ онъ ни одного Папы; самъ же вѣроятно не болѣе имѣлъ дара пророчества, какъ *Малахія*. И такъ изъ оспалыхъ, еще не объясненныхъ имъ предсказаній, съ 1676 года, должно намъ самимъ, держась исторіи, извлечь: есть ли въ нихъ какая нибудь истина. Чтобы не утомить нашихъ читателей и оставить что-нибудь для другаго Папера Альфонса, мы ограничимся здѣсь разсмотрѣніемъ предсказаній о пяти только Папахъ изъ тридцати, бывшихъ послѣ Иннокентія XI, кои были почти на нашихъ глазахъ, дабы видѣть, исполнилось ли надъ ними пророческое слово.

Пять таинственныхъ указаній, коими означены сіи пятеро Папъ, суть слѣдующія:

Visus velox (взоръ быстрый);

Peregrinus apostolicus (странникъ апостольскій);

Aquila rapax (орелъ хищный);

Canis et coluber (песъ и змій);

Vir religiosus (мужъ благочестивый).

Взоръ быстрый относится къ *Клименту XIV* — и кто въ семь намековъ не узнаетъ Папу Ганганелли,

вооруженнаго шолкою силою, шолкимъ разумомъ? Какъ долго боролся онъ, прежде нежели принужденъ былъ, уступая могущественной власти обстоятельствъ, подписать уничтоженіе Іезуитскаго ордена — какъ будто предвидя, что въ чадахъ Лойолы должна сокрушиться главная подпора церкви и безъ того уже колеблемой, подпора, кошорая бывъ низпровергнута, уже никогда не можетъ быть такъ твердо возстановлена какъ прежде? — *Апостольскій странникъ* идетъ къ *Пію VI* — тому Первосвященнику, который, присутствіемъ своимъ при всѣхъ церковныхъ торжествахъ, столько способствовалъ къ назиданію благочестія вѣрныхъ, и въ кошоромъ еще *Венедиктъ XIV* признавалъ болѣе набожности, чѣмъ ума и познаній. Симъ объясняется названіе *Апостольскій* если видѣть въ немъ что-нибудь болѣе обыкновеннаго титула Папы; слово: *странникъ*, должно намекать на путешествіе *Пія VI* въ Вѣну, хотя и пышное, но уничижительное; ибо переговоры его съ Іосифомъ II не имѣли никакого успѣха. Вообще во всемъ длинномъ ряду Папъ, *Пій VI* былъ, если мы не ошибаемся, третій, отправлявшійся въ чужую землю. Подобныя странствованію всегда были несчастны для Папъ; почему въ послѣдствіи *Пій VII*, вспоминая о бѣдственныхъ путешествіяхъ своихъ предшественниковъ, только по рѣшительному настоянію Коллегіи Кардиналовъ, согласился ѣхать въ Парижъ — настоянію, вынужденному, какъ извѣстно, непреодолимою необходимостію. Впрочемъ *Пій VI*, при концѣ своей жизни, принужденъ былъ еще разъ оставить Римъ, обращенный Французами въ республику, и какъ плѣнникъ отвезенъ былъ въ крѣпость Валансъ,

ТЕЛЕС. Ч. II.

19

гдѣ несчастный старецъ и скончался (29 Августа 1798). — *Орелъ хищный* — указываетъ на правленіе Папы *Пія VII*; и кому не придетъ на мысль роковой орелъ Наполеона, простиравшій тогда свои хищныя когти столь широко, что самая тіара не была отъ нихъ въ безопасности? Кромѣ взятія Наполеономъ Рима, можно еще припомнить здѣсь объ обращеніи духовныхъ Германскихъ владѣній въ свѣтскія, случившемся именно въ тоже самое время, что неоспоримо было важнѣйшимъ похищеніемъ у Римской Церкви. — *Песъ и Змій* — долженъ означать *Льва XII*. И въ самомъ дѣлѣ — не съ сурогою ли бдительностію — (добродѣтелью, которая считается одною изъ необходимыхъ для Папъ и по силѣ коей они сами называютъ себя *псами* — *canes*) — охранялъ онъ права своей церкви; и не доказалъ ли своей *зминой* мудрости, которая вмѣстѣ съ голубиною цѣлостію должна составлять украшеніе Первосвященниковъ, бывши прежде Нунціемъ при разныхъ Посольствахъ, въ особенности при заключеніи Конкордата, и потомъ, по избраніи въ Папы, возвращеніемъ Римской Коллегіи Іезуитамъ, возстановленіемъ инквизиціонныхъ темницъ и присоединеніемъ Южно-Американскихъ Ресубликъ къ Папскому престолу? — Остаются только *Пій VIII*, коего кончина недавно опечалила Церковь. И можно ли отказать ему въ прозваніи: *благодѣтельный*, особенно если вспомнимъ его первое папское посланіе? —

Мы не желаемъ однако, чтобы кто нибудь основывалъ на немъ свои надежды и опасенія; ибо изъ выше приведенныхъ примѣровъ видно, что пророчествовать такимъ образомъ не слиш-

комъ трудно; поелику сіи пророческія изреченія слишкомъ коротки и при томъ такъ общи и неопредѣленны, что ихъ можно повернуть всячески, особенно когда поле, изъ котораго могутъ заимствоваться матеріялы для ихъ истолкованія, объемлетъ собою весь міръ, или, произшествія, случающіяся во всемъ мірѣ, въ продолженіе жизни Папы. Но дабы тѣмъ изъ читателей, которые еще такъ молоды, что могутъ пережить нѣсколько Папъ, дать возможность судить о справедливости и несправедливости сего предсказанія, по крайней мѣрѣ относительно къ тѣмъ переменамъ С. Преспола, коихъ они будутъ свидѣтелями, мы помѣщаемъ здѣсь для любопытства пророчесвенныя изреченія, коими обозначаются слѣдующіе послѣдніе тринадцать Папъ.

Первый, котораго избраніе уже рѣшено, обозначается словами: *de balneis Hetruriae*. Это значитъ, что новый Папа будетъ изъ *Balnea Regia*, то есть, изъ *Сант-Баньярія*, въ Папской Делегации Витербо, (находящейся въ разстояніи одной мили къ югу отъ Орвіето, а къ сѣверу отъ Витербо, въ прежней Этруріи); но, можешь быть, въ сихъ словахъ скрывается и другой какой нибудь смыслъ (на что, кажешься, и намекается частицею *de*). За нимъ слѣдуютъ другія указанія:

Cruce de cruce (крестъ отъ креста);

Lumen in coelo (свѣтило на небѣ);

Ignis ardens (огнь палящій);

Religio depopulata (ниспровергнутое благочестіе);

Fides intrepida (неустрашимая вѣра);

Pastor angelicus (ангельскій пастырь);

Pastor et nauta (пастырь и кормчій);

Flos florum (цвѣтъ цвѣтовъ);
 De medietate lunae (изъ среды луны);
 De labore solis (отъ болѣзни солнца);
 Gloria oliuae (слава маслины).

И наконецъ — зловѣщее *тринадцать*, которое не терпится даже за столомъ, потому что суетѣе соединяетъ съ нимъ какое-то предвѣстіе смерти и гибели. Въ самомъ дѣлѣ, и *Малахія* заключаетъ здѣсь свое пророчество сими словами: „in persecutione extrema sacrae Romanae Ecclesiae sedebit *Petrus Romanus*, qui pascet oves in multis tribulationibus; quibus transactis civitas septicolis diruetur et Iudex Tremendus judicabit populum;“ что имѣетъ слѣдующій смыслъ: „во время послѣдняго гоненія на Святую Римскую Церковь, на Святомъ Прѣстолѣ возсядетъ *Петръ Романъ* (или, можешь быть, *Римлянинъ*), который будетъ пасты овецъ своихъ среди многихъ злключеній; послѣ конхъ седмихолмный градъ разрушится и Грозный Судія будетъ судить людей.“ —

Замѣчательно, что во всемъ ряду Папъ, исключая *Апостола Петра*, (который почитается первымъ Папою), не встрѣчается другаго *Петра*; ибо слуги слугъ Божіихъ, по смиренію отказываются принимать имя Св. Апостола, хотя и называютъ себя непосредственными его преемниками. Такимъ образомъ — въ силу сей *prophezia veredica*, какъ называется это предсказаніе истолкователь — будто по нѣкоей чудной пародіи на исторію, должно случиться, что, какъ нѣкогда первый и послѣдній властитель древняго плотскаго Рима назывался *Ромуломъ*, точно также первый и послѣдній глава новаго духовнаго Рима будетъ укра-

нашъся апостольскимъ и мученическимъ именемъ *Петра*. И такъ доестойно будешь возгласить съ глубокою двузnamenательностію, или — если выраженія : *judicabit populum* (будешь судить людей) принимаешь, согласно съ изъясненіемъ Италіянскаго толкователя, за указаніе на страшный судъ — въ упрощенномъ смыслѣ : *sic transit gloria mundi!* .. И если изъ послѣдующихъ Папъ, одни будутъ царствовать столь же не долго или еще короче, чѣмъ *Пій VIII*, а прочіе, по крайней мѣрѣ, столько, сколько *Пій III* или *IV* : то сіе напоминаетъ и другое старинное предсказаніе, въ силу коего 1847 годъ назначается для кончины міра ; тогда *Мамахіа* и толкователь его будутъ совершенно правы. И такъ кометы имѣющей явиться въ 1834 бояшся еще не слѣдуетъ : она , значить будетъ не болѣе , какъ отбой , возвѣщающій на великихъ часахъ міра , что до послѣдняго удара молотка , остается только пять минутъ ! .. Но если таинственному выраженію : *judicabit populum* (будешь судить людей) , дать другое истолкованіе , хотя бъ , на примѣръ такое , какъ случилось было въ 1798 году , когда *Пій VI* , по милости Французовъ , казался дѣйствительно послѣднимъ Первосвященникомъ , то въ такомъ случаѣ радоваться совсѣмъ нечему : ибо , сколько не много нареканій раздается вездѣ противъ Папизма , ни Люшеръ , ни другой какой-либо смертный , не можетъ быть тѣмъ *камнемъ* , на которомъ Христосъ основалъ свою Церковь. То , *гему* не могутъ *одолѣть врата адовы* , есть благодать и сила Святаго Духа , которая именуется не *свѣтомъ* только , но и *любовію*. Вездѣ ,

гдѣ владычествуетъ сія святая дщерь неба, мать смиренія, покорности и терпѣнія, Царствіе Божіе процвѣтаетъ; ибо оно не отъ міра сего! М. В.

ХІ

НОВОСТИ

НАУКЪ И ИСКУССТВЪ.

— новыя картины Горація Вернеша. — Известно, что *Горацій Вернетъ* находится теперь въ Римѣ, гдѣ онъ занимаетъ важное въ области искусствъ мѣсто Директора Римской Школы. Не давно прислалъ онъ отсюда въ Парижъ новыя произведенія своей кисти, представляющія: *Процессію Папы*, *Юдиѳъ* и *Олаферна*, двѣ *разбойническія сцены* и два *женскіе портрета*. Знаатоки Парижскіе увѣряютъ, что сіи картины не удовлетворили вполнѣ ожиданіямъ ихъ національной гордости. При всей правильности и вѣрности исполненія, свойственной опытному художнику, онъ представляющъ какую-то зыбкость въ отдѣлкѣ и особенно въ колоритѣ, не достойную великаго таланта. Это тѣмъ прискорбнѣе, что пребываніе знаменитаго художника въ колыбели искусствъ, по всеобщему ожиданію, должно было украсить его новыми вѣщами. Въ *Процессіи Папы* колоритъ главной группы тяжель и мумень; прочія части картины, какъ н. п. солдашъ съ лѣвой стороны и носильщики, которые несутъ Папскій тронъ, прекрасны. Рисунку вообще можно бѣ было пожелать болѣе строгости. Въ *Юдиѳъ* голова носитъ на себѣ печаль таланта; мысль и испол-

неніе ея равно превосходны. Полушнѣ, въ которой находится лице, имѣетъ въ себѣ нѣчто поэтическое. Драпировка распорядена со вкусомъ и приличіемъ. Спящій Олофернъ имѣетъ много выраженія; но головѣ его не достаеиъ того колоссальнаго характера, который ожидаютъ найти въ ней. Не безъ основанія также осуждается фіолетовый цвѣтъ облаковъ, разрушающій весьма ощутительно гармонию ландшафта. Въ сценахъ *разбойническихъ*, коими не лзя отказать въ достоинствѣ, замѣчается какая-то рѣзкость тона. Заднія группы никуда не годятся, а передніе предметы набѣлены до излишества. Одинъ изъ *женскихъ портретовъ* есть, можетъ быть, лучшее произведение изъ всей присылки знаменитаго художника. Въ немъ видна твердость и исправность, которой ему должно дорожить. Портретъ эиотъ сдѣланъ съ одной славной модели въ Римѣ. Голова вся освѣщена и однако смоделирована весьма вѣрно. Это произведение выкупаетъ славу *Вернета* и дѣлаеиъ честь настоящимъ его занятіямъ.

— изверженіе этны. — „Уже нѣсколько дней“ — пишешъ корреспондентъ одного Нѣмецкаго журнала изъ Катанеи, отъ 25 Февраля — „какъ Этна угощаеиъ насъ новымъ изверженіемъ, которое однако теряетъ для насъ свои прелести, потому что не весьма значительно, и отъ насъ не видно. Сильный грохотъ внутри горы и частые взрывы; которые всѣ, сколько можно было замѣтить, направлялись къ жерлу, находящемуся на вершинѣ горы, извѣстили насъ о началѣ изверженія; я поспѣшилъ въ Николози, чтобы взойти на гору, но встрѣтилъ тамъ холодъ; снѣгъ и

особенно такой сильный вѣтеръ, что отказался отъ своего намѣренія. Почему отправился кругомъ горы на югъ; къ Адерно и Рандаццо, откуда можно было видѣть порядочную струю лавы, изливавшуюся изъ главнаго жерла горы; но и тамъ небо, нѣсколько мрачное, препятствовало ей казаться во всей своей силѣ. Уже въ слѣдующій вечеръ, возвращаясь назадъ въ Катанею вокругъ сѣверной части горы, я разсмотрѣлъ вполнѣ сіе явленіе. Небо было ясно и спокойно; гора, покрытая до самой подошвы снѣгомъ, озлащалась сіяніемъ полной луны; на самой вершинѣ ея, посреди глубокихъ снѣговъ, огненный потокъ вырывался изъ жерла, отбрасывая къ сѣверу коническій столпъ пепла; время отъ времени ужасный грохотъ раздавался внутри горы и горящіе каменья частію вылетали изъ жерла, частію же, не достигая до краевъ его, сверкали яркими искрами. По видимому изверженіе не усилилось: и мы на сей разъ обязаны будемъ Эйнѣ истинно прекрасною картиною, не сопровождаемою тѣми грозными ужасами, на которые она прежде бывала шакъ распочительна.“

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ ●

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаіи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Марша 31 го дня 1831 года.

Ценсоръ Сергій Аксаковъ.